

Назарова Ольга

**По эту сторону. Дом с
секретом и его притяжение**
Книга седьмая. Часть первая

Ольга Назарова

**По эту сторону. Дом с секретом
и его притяжение. Часть первая**

«Автор»

2026

Назарова О.

По эту сторону. Дом с секретом и его притяжение. Часть первая /
О. Назарова — «Автор», 2026

Дом с секретом полон сюрпризов – в гости к травнику прибыл настоящий авантюрист, который мечтает сманить друга за золотом. Да, он действительно нашёл клад с множеством золотых слитков, и теперь ему нужен помощник, чтобы их достать. Но клады редко лежат просто так, тем более такие большие. За них частенько приходится платить, а иногда цена слишком велика – например, жизни – своя и друга. Спасать попавших в беду приходится Соколовскому, впрочем, он оказывается в выигрыше – авантюрист очень пригодится для охраны в поездках Уртына. Словно мало было кладоискателей, как в дом с секретом попадает волк, но совсем не обычный – не так уж давно он был человеком, но не поладил с девушкой, которая очень рассчитывала выйти за него замуж. А в довершение всего приходится выручать предприимчивого и очень наглого Геннадия, который, пройдя путь от гостя до натурального мерзавца, буквально оказывается на краю гибели – до него всё-таки добрались его «добрые» родственники и первая забываемая невеста.

© Назарова О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть первая	5
Глава 1. В некотором болоте...	6
Глава 2. Моменты рабочие и не очень	10
Глава 4. Опрометчивый Генчик	18
Глава 5. Кадровый голод	23
Глава 6. Кто ищет, то найдёт	27
Глава 7. Натуральный упрямец	32
Глава 8. Лечение со спортивным уклоном	36
Глава 9. То, к чему шёл всю жизнь	40
Глава 10. Обычный-необычный	44
Глава 11. Реконструкция памяти	49
Глава 12. Третья ночь	54
Глава 13. Дорога поневоле	59
Глава 14. Потому, что я так хочу!	64
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Ольга Назарова
По эту сторону. Дом с секретом
и его притяжение. Часть первая

Часть первая

Глава 1. В некотором болоте...

Болото – место неторопливое и ленивое. Лежит себе, никуда не спешит, никого не ждёт, лоснится тиной, время от времени булькает мутноватой водой, звенит комарами... Лепота.

Может быть, именно из-за этого неспешного времени, плывущего над болотами, смешанного с запахом багульника и сосен, согретых летним солнцем, любое яркое событие запоминается здешними обитателями надолго.

Вид молодого человека спортивного телосложения, который прыгал по кочкам за тяжело летящей цаплей и вопил: «Плюнь, это мужыыык!» – прямо-таки отпечатался в памяти всех местных жителей, включая вышеупомянутых комаров.

Случайно попавший в те места рыбак, не собиравшийся ловить рыбу, а желающий без помех отдохнуть от забот в компании известной жидкости, поперхнулся ею, а после и вовсе отставил ценную ёмкость подальше, когда псих, бегущий за птицей, широко и щедро размахнулся, метнув в цель недоеденный помидор.

– Во даёт! – бормотал рыбак, глядя, как возмущённая до глубины души цапля выплюнула лягушку и взлетела повыше, а её преследователь выловил выплунутое, заботливо обтёр находку, потыкал в неё пальцем и поволок на берег.

– И чем только люди не развлекаются... – бормотал рыбак, снова потянувшийся за бутылкой. – И чем парню лягушка-то приглянулась?

Тут ему вспомнилась история про царевну-лягушку, он даже поулыбался, представляя, как этот чудик спортивного телосложения сейчас будет извиняться перед какой-нибудь Василисой Прекрасной, как вдруг отчётливо услышал бубнёж:

– И этого типа отрядили меня охранять! Да ты вообще мышей не ловишь, да? – причём это явно говорила лягушка, но мужским голосом.

– Да ладно тебе! Я ж тебя отбил... – примиряюще отвечал парень. – Чего ты так уж возмущаешься?

– Действительно... и чего я возмущаюсь? Меня чуть не слопала та припадочная птица, а мой охранник в это время жрал помидоры! Помидоры! Только подумайте!

– Я ел курицу, а помидором закусывал, – пояснил парень.

– Ещё и курицу! – возмутилось земноводное. – Ел он... Да ты её уже почти прикончил! Целую курицу! В одно рыло!

– У меня режим, – пояснил его оппонент.

– А я типа должен голодать на комариной диете? – язвительно уточнила лягушка, а точнее, лягух.

– Можешь и стрекоз половить – их тут полно! – простодушно предложил парень.

– Сам жри стрекоз! А мне нужен нормальный источник энергии! Возвращай меня обратно!

Парень вздохнул, посадил лягушку в мох, дошёл до машины, достал из багажника абсолютно неожиданный на болоте предмет – деревянную раскладную ширмочку, поставил её как-то затейливо, прислонив одной стороной к машине, а потом вернулся к оставленной лягушке, подобрал её, размахнулся и... под возмущённый вопль летящего земноводного:

– Да ты б ещё дальше отошёл, – метнул лягушку в ширмочку.

– Блямс, – сказала ширмочка, срезонировав с металлом машинного бока.

– Я тебе это ещё припомню, – прозвучал над болотами вопль лягуха.

– Бульк... – отреагировало болото на бутылку, упавшую из ослабевших пальцев рыбака прямо в воду.

– Аааа, да это ж фокусники! – понял рыбак, горько разочарованный утоплением источника собственного отдыха. – Тьфу! Небось это... репетируют!

А что он ещё мог подумать, увидев, как из высокой травы около машины и ширмочки поднимается высоченный белокрысый тип арийского вида, правда, почему-то украшенный двумя симметричными фингалами под обоими глазами?

– Наверняка сидел внутри ширмы, а потом выполз и встал, – «догадался» рыбак. – Тоже мне... фокус! Эх, только ценное упустил!

Он закатал рукав рубахи и полез рукой в воду, пытаясь нашарить нужную ему ёмкость, но болото – место не только ленивое, но жадное. Оно не любит, когда ему что-то дают, а потом отбирают, так что ничего рыбаку не досталось кроме цепкой ряски и пары голодных комарих, присевших на завтрак.

– Пшли вон! – прошипел раздражённый рыбак. – Тьфу, придётся новую открывать!

Но стоило ему только прикинуть к новому «источнику», как со стороны фокусников послышался шум:

– Так, чего ты свои лапы тянешь куда не следует? Это моя еда!

– Да ты ещё и жадный! – возмутился белокрысый тип. – Я устал, я плавал, я даже чуть было не пострадал!

– Вот и заедай стресс своим, а не моим! Желательно, молча! – спортивный крепыш решительно отобрал у белокрысого куриную ногу и вернулся с ней на облюбованное место. – Ты ж сам заказал себе суши, вот и сушишься ими!

– А мне курицу хочется!

– Перехочется! Нечего чужое без спроса таскать! И откуда ты уже взял мой творог? Купил себе, что хотел, вот это и лопай, а в мои контейнеры не лезь!

– А я не хочу суши... они на болоте как-то не едятся! – неожиданно капризно заявил белокрысый. – Делись давай! Если бы не я, ты бы эту работу и не получил!

Крепыш тяжело вздохнул, взял помидор, примерился и исключительно метко швырнул его в сторону скандального типа, тот машинально отклонился, пытаясь избежать столкновения с метательным снарядом, попал спиной на ширмочку и...

– Во ффффокусники! – зафырчал рыбак, отплёвываясь от своего напитка, попавшего не в то горло, – Был мужик, а потом хлоп и исчез!

Он не отрываясь следил, как крепыш бережно отложил недоеденную куриную ногу, поднялся, дошёл до ширмочки, пошарил в траве, выудил из неё лягушку, возмущённо заявившую:

– Метни меня обратно! Немедленно!

– Да как скажешь, – хмыкнул спортивного вида парень, сделал шаг к воде, широко размахнулся и зашвырнул лягушку в болото, сопроводив это действие словами:

– А вот надо было точнее говорить, куда обратно! Мы ж люди простые – просят – мы выполняем! Нам же ж не жалко!

Лягушка пролетела над болотом с возмущённым воплем:

– Да совестики у тебя нииихт!

А рыбак смотрел на фокусника-крепыша, ожидая, чего он ещё того... нафеячит, точнее, нафокусничает, пока не услышал за спиной неожиданный звук, похожий на хлопанье крыльев, обернулся и встретился взглядом с чёрными-пречёрными глазами непонятно откуда взявшегося типа:

– Забудь! – строго велел ему тип. – Забудь всё, что тут сегодня видел! А ещё... ты терпеть не можешь эту гадость! В рот больше не возмёмшь! – тип ткнул пальцем в бутылку. – Понял?

Рыбак исполнительно кивнул.

– А ещё – мотай отсюда! Кыш! – велел Крамеш, которого отрядили присматривать, как сработается та странная парочка. Запах спиртного он терпеть не мог, так что щедро «поделится» этим своим качеством с рыбаком – не одному же ему страдать.

Через пару минут рыбака и след простыл, а чёрная птица привычно устроилась на вершине сосны, продолжая наблюдать за Геннадием-Германом и Ильёй, нанятым для охраны невозможного лягуха.

С другой стороны болота за странной едой наблюдала цапля, размышляя, а не стоит ли опять попытаться поймать эту лягушку? Правда, по зрелому размышлению, она отказалась от этой идеи – лягушек в болоте много, на этой свет клювом не сошёлся, а вот так съешь неправильное – потом ещё живот заболит!

Геннадий страдал, а так как молча он это делать был не приучен, то он начал жаловаться вслух:

– Да разве ж это жизнь? Нихт! Это точно не она!

– А что тебя не устраивает? – удивлялся с берега Илья, активно подтягивающийся на ближайшей удобной и подходящей для этого ветке.

– Ты не устраиваешь!

– Бывает, – покладисто соглашался Илья. – Я вааще многих не устраиваю – так не для них и строился!

– Тьфу!

– Не плюй в болото! – хохотнул Илья Васильевич. – А то оно каааак ответит!

– Не учи учёного! Навязался на мою голову! – оскорблённо отвечал лягух, выбравшись на лист кувшинки.

– Это я-то на твою? – удивлялся Илья, отжимаясь на бережке, – Врите, Гена, дальше!

Выполнив норму физической активности на ближайшие несколько часов, Илюха достал удочку, устроился поудобнее и принялся наблюдать за двумя объектами – за лягухом, который так и восседал на листе, и за поплавком.

Правда, это времяпрепровождение его через час как-то смутило...

– Слышь, а ты разве не должен чего-то там искать? Ты чего ваааще расселся?

– Тебя забыл спросить! – оскорбился Генчик.

– Да и пожалуйста! Только я ж начальству так и скажу, что мол, нифига этот ваш лягво-водолаз не работает!

– Ах ты... Да это я про тебя скажу, что ты меня оскорбил, еды не дал и вообще издевался!

– Ха! У меня авторегистратор работает! – сообщил совсем не такой уж тупой Илюха. – У нас в спортзале каких только хитровыкрученных на турнике типов не бывает. Так что мы без камер никуда! Так что, гребите, Гена, гребите!

Геннадий многословно и подробно описал все личные качества своего охранника, правда, разумно высказал всё это по-лягушачьи, а когда выдохся, уныло прыгнул в воду и нырнул... якобы на поиски спрятанной ценности.

К вечеру, когда над болотом завился рой комаров, а крайне заинтересованные необычным лягухом кокетливые лягушкодамы скучковались у берега, чтобы попытаться обратить на себя его внимание, Геннадий выплыл у поплавок Ильи.

– Не нашёл! Вытаскивай меня, а то я устал! – велел он, высунув голову из воды.

– Устал? Да ты дрых вон на той коряге! – Илья, как профессиональный спортсмен не мог не быть наблюдательным. – Я даже уже решил попытаться тебя оттуда сшибить.

– Чем сшибить? – удивился Генчик.

– Да вон... специально комки грязи приготовил, – Илья кивнул на разложенные у бережка будущие метательные снаряды. – Но ты не переживай... Завтра они очень даже пригодятся! Они как раз досохли до нужного уровня, а завтра так ваааще будут как кирпич!

– Напугал, – фыркнул Генчик, от изумления даже позабывший, что ему надо бы утверждать, что он прямо-таки не покладая лап искал нужное.

– Нее, предупредил! – серьёзно отозвался Илья. – Во, смотри!

Он подобрал один из комков, размахнулся и попал точно в то место на коряге, где изволил отдыхать Геночка.

– Да ты что? С ума того... прыгнул? – возмутился лягух. – Ты ж меня прибил бы!

– А все говорят, что ты крепкий, так что не прибил бы! – оптимизм – наше всё. – Зашиб бы немного, но это не страшно.

– Грубиян! Варвар! Мужлан! – возмутился Генчик.

– Ишь ты... прям расквакался! – ухмыльнулся Илья. – Да, мы родом не из принцев, но если уж работаем, то на совесть, а не так, как некоторые зелёные и пупырчатые!

– Умыл, как есть умыл! – радовался Крамеш на своей ветке.

– Это проклятийный образ, я по-настоящему...

– Знаю, знаю! – перебил Генчика невежливый и грубый Илья. – Ты, по-настоящему, белый и пушистый, на панду похожий!

– Ну всё! Ты напротился! – разозлился Геннадий, сам выбираясь на берег и прыгая к ширме. – Сейчас я тебе покажу!

Он прыгнул, ударился о ширму, встал, отряхиваясь от травы, а потом развернулся и решил показать этому тупому типу, как надо себя вести в обществе принцев, но, замахнувшись, успел только сфокусироваться на увесистом кулаке оппонента, прилетевшем ему в нос.

– Не сломан, не парься! – жизнерадостно сообщил ему Илья, подавая пучок водорослей.

– На переносицу положи и поддержи! И что ж ты такой... необучаемый? Ну ладно... повторение-то оно мать учения и мачеха неучения!

– Зааатфффниииись! – простонал Генчик, сидящий с водорослями на физиономии.

В довершение всего над ним заинтересованно закружилась та самая мерзкая цаплища, которая его утром чуть не съела.

– Нет, это не жиффнь! – гнусаво заявил в пространство Герман. – Это издефффательство!

Глава 2. Моменты рабочие и не очень

Когда сильная натура злится, то это проявляется по-разному. Некоторые такие натуры скрывают злость так надёжно, что только когда их совсем доведут, становится понятно, что что-то не так, но бывают и иные... У таких рядом аж атмосфера искрит и потрескивает – наверное, от невозможности поджать хвост и удалиться подальше, оставив вокруг возмущённого типа какое-нибудь безвоздушное пространство.

К последним относился и Соколовский:

– Режиссёр что? Сбрендил? – ярился он. – Что творит этот ненормальный и для чего? Для того, чтобы уничтожить снимаемый фильм?

Его эмоции можно было понять – зрители ждали новую картину – ещё бы! Они со Светланой Патрушевой сыграли в предыдущем фильме так, что его смотрели и пересматривали, наслаждались, восхищались, а сейчас?

– Я и так сомневался, а надо ли в этом сниматься... ладно, уговорили. К тому же партнёрша прекрасная, это её первая картина после родов, сценарист – отличный, бюджет, да что б у всех картин такой был, и... будет такая пятая точка в результате, что прямо ни в сказке сказать, ни пером описать!

Он точно знал то, о чём рассуждал – режиссёр, стремясь повторить успех коллеги, набрал тех же актёров, взял примерно похожий сюжет, привлёк того же сценариста, и всё это, конечно же, ради успеха фильма, но...

Но так увлёкся, доказывая, что это абсолютно другая картина, что ни-ни... ни малейшего сходства в двух фильмах нет и не будет, что заставил гримёров просто-таки испортить внешность Патрушевой так, что она просто в зеркало на себя смотреть спокойно не могла.

– Да и это ещё не всё! Внешность – дело такое... Света и это обыграла бы – она же настоящая актриса, а не моделька какая-то, но характер героини – это же просто отстой! В прошлом фильме он был цельным, логичным, все поступки оправданными, а сейчас? То героиня тусклая, как древняя слабая лампочка, а то внезапно начинает фонтанировать харизмой, как человек с сильным и ярким характером! А потом – хлоп, и опять ползает какая-то блёклая моль и что-то невнятное бубнит.

Соколовский не мог не понимать, что прошлая картина до краёв была полна «химии» между их персонажами, именно это вызывало и восхищение, и слёзы сочувствия у зрителей, заставляло им верить, но...

– Но в этот раз такого эффекта нет и быть не может – наш режиссёришка просто уничтожает картину, да и не только её! Нас тоже!

Уж кто-кто, а Сокол отлично знал, как легко «выбить» актёра из обоймы – сыграл человек в чём-то таком неудачном, и всё – этот фильм может стоить ему карьеры, любви поклонников, дальнейших ролей.

Сразу начнут говорить, что «он своё отыграл», сразу вцепятся в беднягу критики и куча диванных экспертов.

– Да-да, и скажут, что «так и знали, что это была дутая репутация, а вот теперь правда восторжествовала», что актёр или актриса – жалкие ничтожества, выплывавшие за счёт удачного совпадения благоприятных факторов.

На самом-то деле, лично ему опасность грозила в меньшей степени – у него такая дружная армия фанаток, что они и этот фильм «съедят» да не подавятся, а вот Патрушевой... с ней всё будет плохо:

– Уже даже сейчас пошли разговоры о том, что «бедному Филиппу Ивановичу досталась такая тусклая партнёрша», а ведь это только начало работы! Это Света-то тусклая? Да не смешно! А потом... никакой же логики нет в этих режиссёрских исправлениях сценария!

Эти исправления заставляли стонать всю съёмочную группу – ну, где, где, скажите на милость, логика в том, что распоследняя служанка-кухарка систематически попадает в княжеские покои, расхаживает там, словно у себя в избе, что-то трогает, перекладывает вещи, князь это замечает, но ничуть не смущается, типа так и надо, чтобы его секретные записи листали все кому не лень!

– Да-да, и охраны у нас нету – заходи кто хочет, бери что вздумается! А то, что воины на входе стоят, так это ж не считается – они, когда героиня каждый день ходит в княжеские покои, просто гложут, слепнут, тупеют и на цветочки любят!

И это было, пожалуй, самой невинной глупостью из тех, что оказались вписаны в сценарий недогнувшей режиссёрской дланью!

– А то, что князь, у которого вообще-то красавица-невеста имеется, внезапно обращает внимание на кухарку – это как? Нет, это, конечно, может быть, но не тогда, когда кухарка выглядит как... как замазанная кучей слоёв штукатурки невзрачная чухонка! И это ж надо, такое сделать из Патрушевой!

Изумление Филиппа Ивановича можно было понять – Светлана была одной из самых ярких и запоминающихся актрис современности, но после такого грима и такой необъяснимой логики режиссёра напоминала блёклое и невзрачное подобие самой себя. Злилась, конечно – ещё бы! Она же прекрасно понимала, что этот фильм просто закопает её карьеру! Но...

– Но, если она даже по потолку ходить будет, ничего сделать не сможет – контракт такой, что в случае его разрыва актёры вынуждены будут оплатить драконовскую неустойку!

Само собой, он – не Света, он вообще много чего может изменить – вот тот самый популярнейший фильм, в котором они с Патрушевой так удачно снимались в прошлый раз, вообще должен был быть полнейшим провалом, но стоило ему и Крылане наведаться к верхушке съёмочной группы, как у тех с ходу просветление в головах случилось!

– Но там-то хоть понятно было, что править! А здесь? Что тут можно сделать?

Соколовский выхаживал по своему кабинету, зверел, шурился на мебель так, что обстановка нервно подрагивала, чуть ли не пятилась, а когда в помещение вошёл Крамеш, то он вообще едва не выскочил оттуда, наткнувшись на тяжёлый взгляд начальства и потрескивающую вокруг атмосферу:

– И чего ты такой довольный... был? – процедил Сокол, уловив краем глаза выражение лица подчинённого, когда он только входил. – Что весёлого?

Крамеш вообще пожалел, что поторопился возвращаться – а что, полетал бы вокруг да около пару-тройку дней, глядишь, и начальство поутихло бы...

Правда, деваться уже было некуда – птицы хвостом вперёд летать не умеют – раз уж прибыл перед светлые, хоть и донельзя гневные очи, каркай-не каркай, уже ничего не поделаешь!

– Эээ, я с докладом! – заторопился Крамеш. – Вот... видео пррринёс!

– Какое ещё видео! Словами говори! – рыкнул Сокол.

– Нее, словами я ТАК не смогу. Это смотррреть надо! – настаивал Крамеш, понимая, что это его шанс вылететь из этой ситуации целым и невредимым.

Хотел было Сокол выгнать этого паразита прочь, но уже зацепился взглядом за летящий в цаплю помидор и прыгающего по болоту Илью.

Преобразование бурлящей ярости у кого-то типа Соколовского в натуральное веселье дорогого стоит, так что Крамеш решил, что эта невозможная парочка – Генчик и Илюшенька – уже оправдала своё существование.

– Так... ладно, – выдохнул Сокол, отсмеявшись. – А ведь это кино, пожалуй, получше будет, чем то, в котором я сейчас снимаюсь!

– Я старрался! – Крамеш очень надеялся, что Филипп Иванович не начнёт опять гневаться – больше-то у него нет отвлекающих видео.

– Ты – да, постарался, но и эти два чудика – тоже! – прищурился Сокол, правда, уже не гневно. – Каждый в своём стиле, конечно...

И тут ему пришло в голову, как можно спасти фильм – что именно надо вложить в голову режиссёра, чтобы и картина получилась удачной, и, одновременно, чтобы она не была копией предыдущей.

– И Крылану придётся задействовать, и Крамеша... но это может выгореть! – вдохновился он, милостиво взмахнув рукой и отпуская подчинённого прочь.

На листе бумаги возникали схемы исправления сюжета – и вот уже кухарка – не просто себе кухарка, а девушка, обладающая некими способностями:

– У такой и охрана может цветочки не просто рассматривать, а веночки из них выплетать. И внешний вид можно обыграть – будет у нас дева типа Генчика – наложили на неё проклятие, вот и выйдет как прошлогодняя линиялая тряпка! А что бумаги у князя перекапывает почём зря – запись ищет о том, как это самое проклятие снять – у князя невеста-то так уж ли проста?

Сокол довольно потёр ладони – да, вариант ещё надо было обкатать, но он уже чувствовал, как в этом невозможном и нежизнеспособном месиве проклёвывался живой, яркий и откровенно интересный росток будущих событий, интересной работы, успеха! Да, понятно, это получится... сказка, но:

– Сказка гораздо лучше, чем та претензия на историчность, от которой даже я впадаю в истеричность! – хмыкнул Филипп. – Тоже мне, режиссёр с особым взглядом «ятаквизу»... Нет-нет, это надо пресекать – людей жалко, нас жалко, всех жалко, а этот «вытворец» будет ходить гоголем и рассказывать, что он великий кинематографист.

Филипп холодно усмехнулся, а потом решил:

– Хм... и надо будет мне гонорар повысить! – запланировал он. – Зря я, что ли, за них тут всё переделываю?

Просто так Сокол работать не любил, разумно полагая, что этак окружающих и приучить можно – сядут на шею и будут наездничать.

– Накину себе ещё процентов тридцать-сорок, нет, лучше все пятьдесят – за счёт режиссёрской зарплаты! – решил Филипп Иванович, приходя в расчудесное настроение.

Хорошее настроение – дело такое, ему в отдельном помещении тесно – оно размах и полёт любит, вот Соколовский и вышел «в люди».

Сказать, что этих людей вокруг наблюдалось много, было сложновато – всего-то двое, не считая самого Сокола, а один из этих двух – вообще лягух!

– Танечка, он меня голодом морил! – ябедничал Генчик, убедившись, что его обидчик, доставив его до гостиницы, уже уехал домой. – Арбайтен вынуждал!

– Эээ, что? – удивилась Таня.

– Работать требовал выше моих сил! – перевёл Генчик, сообразив, что тут надо пододвинуться, но не уточняя, что «его силы» на работу закончились, даже не начинаясь.

– Ааа, – Таня вообще-то тоже работала, так что почему-то не очень прониклась идеей отдачи Геннадию всего-всего «запростотак». – Так ведь все работают, – попыталась она объяснить свою позицию.

Увы... с Геннадием это никогда не прокатывало:

– Все – это другое! А я – мне так нельзя! Я же не привык! Понимаете? Вот вы – привыкли – вам легко, а со мной так поступать жестоко!

Таня, воспользовавшись тем, что Генчик на неё не смотрит, мимолётно возвела глаза на потолок, едва сдержавшись, чтобы не скорчить рожицу, да и то, только потому что ей с детства говорили, что лицо в рыльце складывать нехорошо – останется ещё так.

Правда, Врану ничего такого не говорили, поэтому он от души расхохотался, да и на физиономии изобразил весь спектр своих эмоций, а ещё, вдобавок, уточнил:

– А чего у тебя нос красный?

– Нос? – Геннадий нежно коснулся собственной физиономии, а потом немного гнусаво сказал:

– Этот невыносимый варвар мне дал в нюх!

Реакцию окружающих на фразу Геннадий никак не мог приписать сочувствию к его неприятностям, так что призадумался и сообразил:

– Нихт! Он дал мне в орган нюха! – а потом, решил немного сгустить краски: – И почти повредил мне мой... нюхальник!

Слово опять звучало как-то не так – Геннадий точно помнил, что оно на самом деле было коротеньким, но решил, что эти простые и низменные людишки не стоят его усилий, поэтому ограничился высказанной версией.

Вообще-то он хорошо владел и русским, и немецким, но после пребывания в болоте, где больше всего ценилось лягушачье наречие, а потом в исконных землях, где преобладали мало того, что диалекты, так ещё и со старинными словами, Геннадий стал более небрежно относиться к собственному произношению. Хотя... может, сыграла роль и Гертруда с поленом...

Соколовский, чтобы не уронить авторитет, вовремя скрылся за дверью своего кабинета, отсмеялся там и решил:

– А ведь я сам, своими руками, чуть было не лишил себя такого дивного развлечения – я ж хотел послать этого лягуха куда подальше, а он оказался таким полезным! Правда, его новая роль свела бы его с ума – принцы шутами почему-то быть не любят, но я же могу его и не оповещать о том, кто он такой на самом-то деле!

Мысль о том, что режиссёр отныне тоже может исполнять эту же полезную роль, но уже на съёмочной площадке, порадовала Соколовского ещё больше, и он принялся звонить Крылане, которая в своём загородном имении пыталась добиться окончания бесконечной истории под названием ремонт.

– Приехать и помочь? Опять как тогда с фильмом? Да с ррадостью! – воспряла Крылана, которая уже слышать не могла о том, что вот ещё где-то что-то надо доделать, и уж тогда ТОЧНО всё будет готово!

Уже абсолютно довольный Соколовский снова вышел в коридор и опять получил заряд бодрости – Таня, не выдержав жалоб Геннадия, сбегала в кухню, но вернулся с работы Иван, который по дороге домой пытался понять, какая нелёгкая занесла его в преподавание, что в сессию, конечно, было очень актуально.

Этого он так и не понял – не успел додумать, потому что наткнулся на страдающего Геннадия, которому уже было всё равно, кому жаловаться.

Выслушав тираду о действиях своего младшего брата, Иван с изумлением понял, что Илюху не только понимает, но ещё, чуть ли не первый раз в жизни, полностью поддерживает!

– Работать заставлял? Свою еду сам ел? В нос дал? Ёлки-палки, а ведь брат-то у меня прав! – выдал Иван. – А вы, Геннадий, не рискуйте! Я уж не знаю, как там у вас в болоте принято, но у нас старший брат, если младшего оскорбляют, может и добавить!

– Чего добавить? – изумился Геночка.

– А всего! Вам с чего приятнее будет начать? В глаз? В нос? Или к работе приставить? Обращайтесь, если что! Я ж с превеликим удовольствием вам помогу, мы – люди щедрые!

От такой душевной позиции у Соколовского настроение поднялось ещё выше, Вран уважительно воззрился на своего руководителя, Крамеш, наблюдавший всё это из Таниной кухни, решил, что ему эта позиция, пожалуй, даже нравится, а сам Генчик спешно эвакуировался к себе в номер, убрался в ванную и, наполнив её водой, засел там в виде лягушки – хоть так поплавать без опаски и гнусных принуждений к «арбайтен».

Больше всего его угнетала мысль о том, что завтра этот невыносимый тип, этот дикарь, варвар и тупой валенок, придёт снова и поволочёт его опять в болото!

– Нет-нет, тут надо что-то придумать, что-то такое... чтобы этот гад от меня отстал! – решил Геннадий, лениво шевеля лапами на поверхности воды.

Глава 3.

Майский день на июньских болотах

Следующим утром Геннадий шёл на болото в первых рядах!

– Ты ж смотри, какая жажда работы проснулась, – радостно удивлялся Илья. – Как я ему в нос треснул, так ему сразу так вкалывать захотелось! Видать, там кнопка включения!

Он было задумался о местонахождении кнопки выключения, но решил, что все проблемы должны решаться по мере их возникновения – зачем выключать то, что только что так славно заработало?

«Илюха, много думать – голова заболит! Ты, главное, делай, что тебе говорят!» – именно так говорили ему тренеры – и отец, и Пал Сергеич. А Пал Сергеич – это вообще авторитетище – он ещё отца тренировал – глыба, а не человек, во как!

– Делать? Будет сделано! – реагировал Илья, старательно выполняя требуемое.

А что? Из него получился очень удобный ребёнок – сказали, отжимайся отсюда и до обеда – отжимается, пусть потом будет болеть всё тело. Сказали, выполнить на перекладине сложный переворот с прыжком – будет крутиться и прыгать, рискуя что-нибудь себе сломать – взрослым же лучше известно. Сказали, выполняй упражнения на растяжку – будет растягиваться так, что любому питону обидно будет.

Правда, к сожалению, никому из тренеров не приходило в голову, что в результате такого воспитания мышцы безусловно становятся сильнее, а вот умственная деятельность откровенно страдает – мыслить-то тоже надо уметь, а как этому учиться, если любое сомнение в правоте тренеров жестоко порицалось? Сказано – делай, хоть убейся, Илья и делал, чего велели.

Для того, чтобы от безделья Илья лишнего не понапридумывал, решено было его загрузить по максимуму – тогда и некогда будет фордыбасничать да самовольничать как старший Иван!

А вот сейчас, усевшись с удочкой на берегу, он ненароком призадумался – команд-то не было, срочно кидаться и что-то выполнять было нечего, а свободное время было, вот и вернулась в мозг мимопролетающая мысль – заглянула, покрутилась в гулком просторе непритязательного Илюхиного ума, да и решила чуть задержаться – приятно же – никакой тебе конкуренции!

– Интересно, – непривычно пришло Илье в голову, – а что делать, если на лягуха щука нападёт? Я ж на берегу, а лягух – в воде. А если цапля его сразу клювом... того? Как тогда быть?

Уже эти размышления с ходу демонстрировали, что несмотря на все свои объёмные, фундаментальные и ещё какие-то там недостатки, Илья был, во-первых, добросовестным, во-вторых, неленивым, а в-третьих, даже поймав незапланированную мысль, её непривычно, тяжело, но обдумывающим.

По зрелому, хотя и медлительному размышлению, Илья увеличил свой арсенал, прибавив к уже имеющимся метательным снарядам, прекрасно высохшим вчера, новый запас и присоединив к ним этакое копьёцо, собственноручно вырезанное им из древесного стволика, на совесть заострённое и даже обожжённое – для прочности.

– Гарпун бы, но, пока его тут не достать, можно и с этой штукой поработать! – бормотал себе под нос лягушачий охранник, старательно наблюдая за плавающим то в одну, то в другую сторону Генчиком.

– И чего это он так суетится? – невольно удивился Илья.

А идея Геннадия была очень проста – он собрался найти лягушку, максимально похожую на него самого, и уговорить на подмену – пусть поплавает, пока он, Генчик, вдоволь отдохнёт – так-то неугомонный охранник не привяжется! Поэтому в настоящий момент он не просто так грёб лапами, а демонстрировал претендентам, что именно ему от них нужно.

Нет, всё бы получилось, только вот вредные земноводные, понаблюдав за мельтешением Генчика, стали задавать неудобные вопросы типа:

– А зачем нам-то это надо?

– А когда нам охотиться?

Последний из кандидатов так и вообще охамел:

– А чем платить будешь?

– Набрались от людей всякого непотребства! – злился Генчик, решив, что раз по добру земноводные сотрудничать не желают, то он хитростью вынудит их помогать. – Ну и ладно, вот пусть в вас комья и кидают!

Илья с недоумением наблюдал за метаниями крупного лягуха и прекрасно видел, как тот нырнул под кочку, а потом оттуда вынырнул и уже гораздо медленнее поплыл прочь.

– Домельтешился, – понимающе хмыкнул Илья. – Выдохся.

Лягух доплыл до следующей кочки, вылез на неё и уселся греться на солнышке и ловить комаров.

– Эй, Генчик! Доплавался так, что аж проголодался? – окликнул его Илья – ноль внимания, фунт презрения. – Да и ладно, да и было бы предложено! – пожал плечами лягухоохранник. – Веришь, самому болтать с тобой неинтересно!

А в это время вредный и хитроумный Геннадий-Герман неспешно плыл в другую сторону – подальше от тупого увальня – на облюбованную удобную корягу, где он планировал отдохнуть всласть, и размышлял:

– Да что болтать-то с тобой? Можно подумать, делать мне больше нечего! Ему бы осознать, КТО с ним рядом, относиться с почтением, а он? То в глаз мне даст – два раза, то в нос! Ошалел совсем!

За рассуждениями о том, что низменные людишки совсем расслабились и не понимают, как себя надо вести с принцами, Генчик отвлёкся от окружающей действительности и не заметил, как за ним следят холодные рыбы глаза.

От первого броска щуки Германа спасла чистая случайность – он сам решил попытаться рыбкой и отклонился в сторону, пытаясь сцапать юного малька какой-то рыбёшки, как вдруг совсем рядом клацнули здоровенные челюсти, как из фильма ужасов.

– Ааа! – подумал Геннадий, которому отчего-то резко стало не до болтовни и даже не до философских размышлений. – Аааа-ииии! – добавил он к первой мысли.

Щука хотела есть, Генчик, напротив – категорически не желал, чтобы им позавтракали, поэтому спасался активно и изобретательно. Но...

– Она от меня почему-то не отстаёт! – осознал он через очень небольшое время. – Отвянь, каркадила несчастная! – булькнул он, что не произвело на щуку ни малейшего впечатления.

– Нихт меня жрать! Ты хоть представляешь, кто я такой? – завопил он по-лягушачьи, стремительно уворачиваясь от щучьих челюстей – хорошо хоть, добрался до коряги и теперь лавировал между корнями старого дерева, давным-давно попавшего в болото.

Щуке было явно наплевать на это. Вот просто возмутительно безразлично отнеслась злобная рыбища к выкрикам дичи!

Ещё через пару минут беспрестанного уворачивания и экстренных мер по спасению своей драгоценной жизни Генчику стало понятно – пропадёт он ни за что ни про что!

– Илюююха, СПАСИИИ! СОС! МЭЙ ДЭЙ! ХЭЛП! – истошным воплем разнеслось над болотом. – Квааа!

*Примечание автора: «Мэй дэй», то есть «майский день» – это аналог «SOS» для голосовых сообщений (SOS для радиотелеграфной связи, передаётся азбукой Морзе). По звучанию слово похоже на «may day» («майский день» — англ.), но на самом деле происходит от французского *m'aider*, означающего «помогите».*

– О! Объект-то вона где! – осознал Илья, последние полчаса собиравшийся напомнить лентяю о том, что он вообще-то сюда не комаров жрать приехал, а клад искать! – Это я чего-то ого-го как перепутал! Так, а чего он так завывает?

Илья только думал медленно, а бегал, напротив, очень быстро! Так что он ещё додумывал свой вопрос, а сам уже прыгал с кочки на кочку к коряге, над которой то и дело выпрыгивал из воды лягух, верещащий что-то панически-истощенное.

Добравшийся до цели Илья сцапал в воздухе лягуха, в очередной раз выпрыгнувшего из воды, и сунул в карман, а обнаружив злоумышленницу-щуку, изо всех сил стукнул по ней острожиной, машинально прихваченной с берега.

Если бы он был заядлым рыбаком, то потом, конечно, врал бы, что одним ударом всадил деревянное копьё в рыбищу воооот таких размеров, но, будучи спортсменом, он быстро сообразил, что это вряд ли возможно:

– Силища и скорость у зверюги ого-го какая! А у меня просто деревяшка, и острière не стальное – не смогу я её так поймать! Да и ладно, а мы её вооот тааак! – Илья вместо удара остриём по рыбище стукнул сверху плашмя, попав по зубастой голове, а потом, воспользовавшись тем, что рыба оказалась самую малость оглушена, ловко подсунул копьё под ближайшую к нему часть коряги и приналёг всем весом на дерево.

Коряга неожиданно легко начала поворачиваться, и щука оказалась поднята из воды переплетением жёстких корней, забиравшись в них и, конечно, выскользнула бы, если бы не Илюха, содравший с себя ветровку и упаковавший в неё добычу.

– Вооо! А то такая щука и мимо рук? Вот жалко! Никто же не поверит! – запереживал Илья, придерживая извивающуюся ветровку. – Так, секунду, а где этот? Откуда он бубнит?

Крамеш, уже собравшийся было спасти Генчика, едва в голос не хохотал, глядя, как Илья глубокомысленно застывает, потом стучит себя по лбу, потом хлопает по бокам, разыскивая карман, в который он сунул Генчика, замирает, а затем спешно разворачивает часть щукоупаковки, выпуская уже чуть придушенного метаниями рыбы лягуха.

– О! Живой! – одобрительно констатировал простодушный Илюха, традиционно потыкав лягушачью тушку, висющую в воздухе на задней лапе. – Генка, ты везуучий!

– Квах, кха, квакого... ты меня опять шупаешь? – откашлялся возмущённый до крайности Геннадий. – И где ты был? Почему сразу не помог?

– А не обнаглел ли ты? – Илюха и сам уже тренерской работой занимался, так что все попытки юных подопечных куда-то смыться и ничего там не делать просекал с ходу. – Ты ж сам слинял! Небось, чтобы тут поваляться в своё удовольствие, а не поисками заниматься, да?

– Поклёп! Ква... клевета! – возопил Генчик.

– Хорош выквакиваться! – строго велел Илья, одновременно придерживая щуку, а точнее, свою ветровку, которая всё силилась свалиться с коряги в воду. – Так, раз цел, сам плыви на берег, а я – рыбку поймал!

– Рррыбку? Да это натуральный каркодил! В смысле, кракодил! Тьфу, крокодил! Короче, я в воду не хочу! Неси меня.

– Да будут мне тут всякие мокропузы командовать! – рассердился Илья. – Сам-сам! Вон, всё утро бултыхался в этом болоте, и ничего, небось не боялся. Вперёд!

«Вперёд» в исполнении дуэта Илья-Генчик вышел энергичным и очень быстрым – бросок лягуха в сторону берега был исполнен профессионально и весьма точно.

– Как раз куда надо, туда и прилетело! – констатировал Илья, бдитительно перехватывая упорную ветровку со щукой внутри. – Не-не, а вот тебя я уже не выпущу!

Лягух, приводнившийся на прибрежном мелководье, шустро грёбся к берегу, Крамеш в зарослях снимал происходящее в полном восторге, предвкушая, как покажет это начальству, а Илья переупаковывал щуку, чтобы доволочь её до берега.

Всегда так бывает – когда человек чем-то сильно увлечётся, он подчас делает неожиданные вещи... Так вышло и у Ильи – нет, он излишним рыболобием не страдал и запросто оглушил бы хищницу камнем по голове, но камней-то как раз под рукой не было. Стучать по ней его копьем было бессмысленно. Во-первых, его «оружие» годилось только чтобы легонько оглушить такую рыбищу, а во-вторых, и оно куда-то делось. Можно было ещё просто треснуть щукой в его ветровке о корягу, но...

– И так вещь испачкал, а тут вообще на выброс будет! – сообразил Илья.

Правда, он решил, что надо бы его «копьебалку» найти – что ему на каждый раз такое делать, что ли? Так что, крепко зажав рыбу в одной руке, он пошарил другой в воде под корягой.

– О! Вот она! Счас я её вы-лов-лю! Уй-ююю! – последнее восклицание вызвало приступ злорадного хохота у Генчика.

– Это ж надо, сам себя корягой в болото макнул, ах-аха! И ветровка в воду плюхнулась, и рыбу упустил! – тут лягух сообразил, что для него-то это плохо, поэтому разорался:

– Ты, рукодырый! Держал бы как следует эту крокодилицу! Понабрали в сопровождение какого-то спортивного барана!

Илья, отфыркиваясь, выбрался из-под коряжной части, с досадой выловил ветровку, в которой уже, конечно, не было никаких признаков щуки, кроме запаха и рыбьей слизи, обильно перепачкавшей его одежду, и хотел было должным образом ответить хамскому земноводному, даже рот открыл, а потом... примолк.

– Хы... а это чё такое? – удивился он, уставившись на свёрток из позеленевшей в болотной воде холстины, спрятанный в расщелине коряги, которая открылась, когда Илья вытаскивал палку.

Он потыкал пальцем – в свёртке явно было что-то твёрдое, прямоугольное.

– Погодите-ка... А мы не это ли ищем? – постучала ему в висок заскучавшая в одиночестве мысль. – Мы же как раз, похоже, за этим и прибыли!

– Да ладно! – удивился Илья. – Круто!

Он долго вытаскивал непонятный предмет, стараясь, чтобы он не сломался, а потом, не обращая внимания на доносившиеся с берега вопли заинтересовавшегося Генчика, внимательно осмотрел свёрток и, бережно зажав его в руке, побрёл к берегу, аккуратно обходя участок, заросший кувшинками – они всегда нравились его маме, вот он машинально и осторожничал.

– Ты чего нашёл? – прыгал по берегу Геннадий, почему-то опасавшийся возвращаться в воду. – Дай посмотреть! Да это же не ты нашёл, а я, я нашёл! Йааа-йаааа!

– Не осли! – велел ему Илья, раздеваясь и выжимая одежду. – Нашёл я.

– А кто корягу обнаружил? И кто это... сердцем почуял там артефакт? – прыгал вокруг Геннадий. – И вообще, поставь мне ширму, я обратно в человека хочу!

– Это зачем ещё? – удивился Илья. – Обойдёшься!

– Да ты... ты мне даже данке не сказал, а уже зацапал мою находку! Я так и скажу Соколовскому! Слушай... – Генчик внезапно заговорил вкрадчиво. – А может, давай это себе оставим? Я ж нашёл!

– Отвали!

– Ну, ладно, ладно... Мы нашли!

– Отвали ещё дальше! – озлился Илья. – Я в такие игры не играю! Подрядили найти и привезти – найду и привезу! Понял?

Глава 4. Опрометчивый Генчик

Генчик ныл всё время, пока Илья собирал вещи в машину, периодически косясь на болото – ему было откровенно жаль упущенную щуку. В конце концов, Геночка ему надоел:

– Слушай... у меня мама феерично готовит рыбные котлеты – ум отъесть можно! А я, как назло, щуку упустил! Из них такие котлеты – закачаешься!

– И к чему ты мне это говоришь? – заинтересовался Геннадий, оглянувшись и увидев множество лягушек, привлечённых его жалобами на жизнь.

– Как к чему? А давай я тебя сейчас в болото закину! Может, щука опять на тебя среагирует? А я её поймаю... – мечтательно прижмурился Илья.

– Ты чего? Ты мне это прекрати! – забеспокоился Генчик, шустро подавая назад – прятаться под машину.

– Нет, правда... так от тебя столько пользы будет, столько пользы! Щука на котлеты... что может быть лучше?

– От меня и так много пользы! Мы бы не нашли тайник, если бы я к нему не приплыл! Я же чуял, что там что-то есть!

– А что же ты меня не позвал, если что-то чуял? Ты же понимал, что сам достать ничего не сможешь!

– Я решил проверить свои ощущения! – гордо произнёс Геночка.

– Вот и я хочу проверить свою чуйку! – хмыкнул Илья. – А я прям уверен, что на тебя дивно клюют щуки!

Нырок Гены под машину был прерван умелым, отработанным за последнее время захватом задней лапы лягуха и выволакиванием несчастного земноводного из укрытия.

– Пусти! Отпусти немедленно! Тупой качок! – разорялся Генчик.

– Да ты ж не волнуйся так. Я, конечно, отпущу. Но только в болото! Щукааа, цыпа-цыпа-цыпа... – проворковал Илья, придерживая Генчика за лапу над водой.

– Не надо меня туда! – взвизгнул Геннадий, который прямо-таки представил, как из воды выпрыгивает та крокодилица и клацает челюстями. – Чего ты хочешь?

– Я? Тишины! Веришь? Вот чтобы ты ничего не квакал и не говорил до нашего прибытия в гостиницу! – решительно отозвался Илья.

Молчание всегда давалось Геннадию сложно! Он чуть ли не лапами морду затыкал, пока они не отъехали достаточно далеко от болота, зато потом компенсировал свои усилия многократно – Илье стало казаться, что он едет в машине с десятком крайне болтливых земноводных.

– Н-да... и слово ты держать не умеешь! – невесело констатировал он, паркуя машину напротив гостиницы. – Но ты ж должен понимать, что я это... злопамятный! Я ж припомню, за мной не заржавеет!

Пожалуй, только это и позволило Илье спокойно донести лягуха до места, не пугая прохожих странными звуками из переноски.

Краем к моменту приезда Ильи уже и доложил начальству о новой поездке напарников, и показал съёмки наиболее ярких моментов их приключений:

– Геночка крысятничать пытался? – усмехался Сокол, просматривая видео. – Какой опрометчивый... Интересно, развернёт Илья свёрток по дороге, попробует находку вскрыть? Или целым и невредимым доедет?

Надо отдать Илье должное – о вскрытии свёртка он и не думал, несмотря на многочисленные подначки Генчика, он скорбел об упущенных рыбных возможностях:

– Первый раз в жизни руками поймал вооот такую щучищу и... упустил! – думал он, флегматично потопав ногами у дверей гостиницы – привычка не носить в дом грязь – один из первых навыков, внушённых ему мамой.

Собственно, категорическое нежелание брать чужое – это тоже была её наука. Уж кто-кто, а мама Ильи прекрасно понимала, что столь простодушный человек вляпается в гигантские проблемы на ровном месте, если не научится чётко говорить «нет» любым не особенно законным предложениям приятелей или знакомых.

В прочие воспитательные моменты она не вмешивалась – муж убедил её в том, что только мужчины знают, как правильно воспитывать мальчиков, но уж о безопасности сыновей позаботилась как следует. И именно это спасло Илье жизнь, о чём он узнал очень быстро – стоило только отдать свёрток Соколовскому.

– Ого... да на нём проклятье наложено! – хмыкнул Филипп Иванович.

– Я в это не верю, – пожал плечами Илья, покосившись на переноску, откуда почему-то не доносилось ни единого звука.

– А что тут верить или не верить, когда можно посмотреть? – усмехнулся Соколовский, открывая узкую дверь в стене своего кабинета.

Илья удивился было – как он эту дверь раньше не заметил, но тут же и думать об этом забыл, потому что за дверью была небольшая комната, в которой стоял деревянный стол и больше ничего не было.

Соколовский положил шкатулку на стол, привязал к краю холстины, плотно заматывающей свёрток, тонкую леску, а потом разматал достаточное её количество и вышел из комнаты, плотно прикрыв за собой дверь. При этом леску он пропустил через узкую щель под дверью.

– Так... а ну-ка, посмотрим, чем некоторые особы награждают любопытных... – усмехнулся он, дернув леску.

Илье показалось, что в дверь с той стороны ударил таран, она словно даже выгнулась, сдерживая внезапную и жестокую атаку... чего-то непонятного.

– Что? Что это было? – изумился он.

– Охранное средство, – любезно пояснил Соколовский, шагнув к двери. – Вот, полюбуйтесь!

Илья опасливо заглянул внутрь и присвистнул – на столе стояла какая-то невзрачная, потемневшая от времени шкатулка, а на уровне его груди и чуть ниже по всей комнате и двери шла чёрная полоса жирной сажи, украшенной какими-то вкраплениями.

– Трогать не рекомендую – это частицы холстины, пропитанные ядом.

Илья в панике начал тереть ладони о штаны, сообразив, что он-то эту холстину руками касался.

– Нет-нет, снаружи она была абсолютно безопасна, иначе там бы всё болото вымерло, – утешил его Соколовский. – Кстати, поздравляю вас!

– С чем? – удивился Илья.

– Вообще-то поводов много – вы меня слышали, когда я давал вам задание и говорил о том, что находки открывать нельзя – это, во-первых. Во-вторых, благодаря этому вы остались живы и здоровы. А в-третьих, вам полагается премия за находку!

Когда Соколовский назвал, сколько именно составляет эта самая премия, Илья так изумился, что у него аж звук пропал! Правда, это у него пропал, а у Генчика, напротив – прорезался, да такой...

– Что за завывания? – холодно уточнил Сокол, покосившись на переноску.

– Это я! Я-я-я-я! Я нашёл! Он за мной пошёл к коряге, а я туда плыл! А премию ему? Это майн премия! МАЙН!

– Закрой пасть! – очень холодно приказал Филипп Иванович. – Если бы ты нашёл корягу с тайником и или позвал бы к ней Илью, чтобы он достал спрятанное, или вернул бы себе людской вид и сам достал, у меня и вопросов бы не было – твоя находка, твои деньги! А так – весь выигрыш достался тому, кто действительно нашёл и принёс мне содержимое тайника. И да, Герман... я не терплю несоблюдения договора!

– Я ничего и не нарушал! – заторопился Генчик.

– Да что ты? А кто Илью подбивал украсть шкатулку и оставить её себе? Ты хоть понимаешь, чем бы это закончилось? – Филипп Иванович открыл переноску, добыл оттуда лягуха, метнул его в ближайшую стену, а потом, прихватив за воротник получившееся арийско-блондинистое создание, приволок его в комнату, где обезвреживал оболочку шкатулки. – Ты понимаешь, что вас обоих это убило бы на месте? Нет, само собой, все прочие тебя, конечно, не колышут, но ты же и сам навеки остался бы на этом болоте!

Геннадий, само собой, о ведьмах знал побольше нормального современного человека – ещё бы – его род сильно пострадал из-за одной такой особы, но сам-то он с ведьминскими вещами не сталкивался, о проклятиях на них что-то слышал, но особо не был в курсе, так что нервно озирался и пытался как можно скорее смыться подальше.

– Куда это ты? Стоять и смотреть! Видишь? Она хорошо поработала – чётко рассчитала наиболее уязвимые места для поражения – живот и грудь, вот на этом уровне и срабатывало... Если бы шкатулка лежала на земле, то те, кто над ней наклонился, получали бы воздействие в грудь, шею и голову. Нравится?

– Ннннет! – мотал головой Геннадий, которого Соколовский так и держал за воротник.

– Жаль, что не нравится. Тебе всё это ещё оттирать придётся!

– Я не буду! Это опасно!

– Опасно было крысятничать, а это – всего лишь ядовито, но я тебе перчатки выдам!

– Нихт! Не буду! – Генчик предпочёл бы вернуться в лягушачий вид, упасть на спину и сложить лапки на животе, продемонстрировав степень своего «нихта».

– Ладно, тогда вали отсюда! Собирай свои вещи и убирайся! Мне тут ненадёжные люди не нужны, даже если они не всегда люди!

Герман уже даже рот открыл, чтобы заорать, что он с удовольствием уйдёт из этой жалкой гостинички, а потом представил, как выходит на улицу, случайно сталкивается с прохожим, отлетает к стене, а дальше... Он аж глаза прикрыл от накатившей паники.

Нет, его врождённая упёртость попыталась ещё раз, представив, как он благополучно проходит к такси, доезжает до крутой гостиницы, достойной его статуса, добирается до стойки администратора, чтобы вселиться, и слышит:

– Ваш паспорт, пожалуйста!

Он даже ещё раз попытался – пусть не в гостиницу, пусть он снимет квартиру, и снова в его воображении прозвучал всё тот же вопрос про паспорт, от которого Генчику захотелось тоскливо... заквакать!

Соколовский насмешливо осмотрел запечалившегося Геннадия, вытащил его обратно и велел не расслабляться, а готовиться к чистке помещения.

– Может, хоть скажешь, что мы нашли? – через три часа поинтересовался измученный работой Геннадий, выходя из комнатки в толстенных резиновых перчатках до локтя.

– Не скажу – не твоего ума дело! – отозвался исключительно довольный Сокол, поглаживая кончиками пальцев шкатулку. – Так что? Завтра на следующее болото едешь? Или покидаешь мои владения?

Геннадий, может, и хотел бы покинуть, да вот беда... некуда ему было деваться. Если бы Таня не была настроена так резко против, он бы прямо сейчас снова отправился попытать счастья с ней – а что? Приятная, его природу понимает, вылечит, если что, опять же, жить есть где и никуда она его не выгнала бы – если остальных не гонит, то ему опасаться было нечего! Но...

– Но сейчас это не имеет смысла! – соображал Геннадий. – А вот если она поссорится с этим Иваном... Тогда да! У меня сразу будет шанс нормально устроиться! Буду ждать.

Он усмехнулся про себя – никто и не знал, как хорошо он умеет ждать! Можно подумать, лягушкам просто жить, но они способны караулить добычу очень долго и терпеливо.

– Вот так я и буду действовать! – решил Геночка. – А пока могу и на новое болото съездить, может, найду что-то полезное, тогда и денег побольше будет!

Само собой, он бы кого лучше искал – покрасивее, побогаче, но... с его особенностями, как ни крути, подходила только Таня, да и бегать за ней не надо – вот она, рядом!

Может, Татьяна и была рядом, но подходить к Геннадию она не собиралась абсолютно, и без того хватало в её жизни занудных типов, вот как этот, который сидит напротив и отчитывает её...

– И вы... вы же лишаете животных возможности размножения! – вещал представительный на вид мужчина. – Кто дал вам такое право? Вот по природе...

Таня это «паприроды» терпеть не могла.

– Ладно бы люди что-то знали об этой «природе», так нет! Читать не читал, в интернет заглянуть и посмотреть – тоже лень, но лапшу на уши вешает прямо профессионально! – думала она, с профессиональным бесстрашием заполняя данные на пациента – остроухого кобелька басенджи, пострадавшего после встречи с собачьей дамой, абсолютно не склонной принимать его ухаживания.

Впрочем, травмы были не очень серьёзными, так что Татьяна их обрабатывала под непрерывный монолог сторонника «природной жизни».

– А я ей и говорю, что это абсолютно нормально, что мой пёс сделает её собаке щенков! Это природа... А она? Она мне говорит, мол, хватайте своего и бегите, потому что моя таких на завтрак по три штуки потребляет, когда не в настроении! И вообще, лучше вам своего доставучего кобеля, который надоел тут всем, к ветеринару отвести, чтобы его... это... Я даже выговорить не могу! Это же возмутительно! И вы... да как вы смеете так распоряжаться природой?

Тут Таня решила, что этого слова в исполнении данного клиента в её жизни уже предостаточно:

– В природе, – сухо отозвалась она, – далеко не все самцы, да бывает, что и самки тоже, имеют возможность продолжать род.

– Да что за глупости! Их же никто не кастрирует! – выговорил, наконец-то «запретное слово» возмущённый клиент. – Вот, волки, например! Это же ближайшие родственники собак, так они...

– Вы выбрали очень удачный пример! – одобрила его Таня. – В волчьей стае имеют щенков только глава стаи и его самка! Всё!

– Как это? – изумился клиент. – Вы что-то путаете, а ещё ветеринар...

– Я ничего не путаю, а вы можете легко почитать об этом. Волчья стая – это пара родителей и их дети прошлых помётов. Размножаются только родители, а дети помогают им растить волчат. Если кому-то из детей хочется иметь своё потомство, то они отделяются от стаи и живут отдельно или заводят свою стаю, но это дело рискованное, далеко не у всех получается. У львов – ещё того жёстче, там возможность размножения имеет один лев из нескольких десятков. Остальные не имеют самок. То же самое у всех стайных копытных, правда, бывает, что в большом стаде есть несколько самцов, но всё равно таких гораздо меньше, чем рождается на свет. Остальные детёныши мужского пола попросту изгоняются из стада и или живут одиночками или сбиваются в стада самцов. Природа допускает к размножению только самых-самых сильных и здоровых. У людей то же самое делают разумные заводчики, это регламентируется породными клубами. Так что это именно вы пытаетесь обойти природу.

Возмущение клиента было столь велико, что аж заглушило само себя – он рылся в смартфоне в попытке найти данные, которые заставят эту наглую особу заткнуться и признать, что она идёт против природы и ничегошеньки не знает о жизни, но... увы, увы... ничего подобного он так и не отыскал – все источники, как один, писали то же самое, что озвучила эта возмутительная ветеринарша.

День у Татьяны был каким-то... человечески-трудным. Кроме «паприродного» типа, один за одним шли сложные клиенты. Нет, не в плане болезней их питомцев, а в плане общения с людьми.

– Честное слово! С кошками и собаками проще, чем с некоторыми, – думала Таня, флегматично выслушивая жаркий монолог клиентки, которая доказывала ей, что им немедленно нужно взять и избавиться от всех «вредных» кормов, продаваемых в зоомагазине при клинике:

– Кормить можно только, ТОЛЬКО натуралкой! Вы же просто губите животных, позволяя их хозяевам покупать такой мусор!

Голос этой дамы звучал в ушах, даже когда она ушла и закончился Танин рабочий день.

– Как комариха, честное слово! – думала Татьяна, устало поднимаясь по лестнице к квартире. – А мне ещё в гостинице убираться... Карина что-то сегодня уже делала, но не всё – она же теперь Уртяну с отварами помогает.

Стоило только ей прикоснуться к входной двери, как она сама открылась, и послышался хорошо поставленный голос Соколовского, судя по всему, находившегося на её кухне:

– Так вот, это весьма интересная находка!

– Хорошо хоть он про природу ничего не сказал, а то я бы завизжала! – думала Татьяна, переваривая наличие начальства у себя в квартире.

Глава 5. Кадровый голод

Ну, конечно же, Соколовский не мог видеть выражение Таниного лица, когда она только вошла в квартиру, но общее настроение отлично себе представлял даже по шагам – ему-то было отчётливо слышно, как его доверенное лицо, переступив порог, как-то подозрительно запнулось.

– Бедняжка! – хмыкнул про себя Сокол. – Моя Марья сказала бы, что я невыносим! Оно, конечно, так, но куда ж деваться... И вообще, я ж не просто так в её кухню впёрся, а по делу! Мне норушь надо уговорить, а это лучше делать в её собственных стенах!

Собственно, дело по уговариванию Шушаны продвигалось весьма успешно, настолько, что до прихода Татьяны они почти что договорились обо всём.

– Остаётся Тане объяснить! – солидно подытожила их переговоры Шушана, насторожив ушки. – А вот она как раз и идёт домой!

Сокол немного поругал себя – надо было бы раньше приехать, чтобы норушь немного свыклась с его идеей, но что поделать – задержали на съёмках, и это он тоже приплюсовал к растущему счёту барана-режиссёра.

Собравшиеся на кухне дождались, пока Таня доберётся до честного собрания, и радостно приветствовали её:

– А вот и Танечка пришла! – раздался голосок Шушаны.

– Очень вовремя! – констатировала Басина.

– Моя Танечка всегда вовремя, – согласился Терентий.

– Да почему твоя-то? – удивился Вран, снимая с плеча названной сестры сумку, которую она машинально принесла на кухню.

Краеш приветственно кивнул с холодильника, а Карина заторопилась, выставляя на стол Танину чашку.

Основной элемент этого собрания – Танино начальство – восседал во главе стола, лучезарно улыбался, а решив, что его подчинённая не проявляет желания метнуть в него табуретку или послать туда, куда Макар телят не гонял, медовым тоном произнёс:

– Танечка, я надеюсь, моё присутствие вас не обременило?

– На этот вопрос честно лучше не отвечать! – хриловато дополнил Краеш.

– Краеш, ты исключительно бестактен! – усмехнулся Соколовский. – Короче, Танечка, я к вам не просто так ввалился, а по делу! Видите ли... у нас образовался кадровый голод – проблема с гостиничным персоналом, которую я до настоящего дня не мог разрешить. Я честно планировал избавить вас от необходимости заниматься номерами...

Тут ему пришлось прерваться, потому что Карина, перепуганная, как она думала, упрёками в её адрес, скомковалась в воплощённое отчаяние и всхлипнула, собираясь извиняться перед Таней, Соколовским и всеми собравшимися.

– Карина, СТОП! – Сокол тяжело вздохнул. – Я сам тебя приставил заниматься водоподбором для Уртыана. Плюс ты анализируешь мне массу образцов воды со всей страны. Как бы ты могла ещё и горничной работать в полную нагрузку?

– Дааа? – удивилась Карина.

– Да! И хватит об этом! – припечатал Сокол, напомним себе, что вóроны – это такие вóроны...

– Так о чём это я... – он сделал вид, что вспоминает, а потом, вроде как вернувшись к теме разговора, тряхнул кудрями. – Ах, да! О кадровом голоде! Понимаете, Танечка, людей мы на уборку нанять не можем, сами понимаете...

– Понимаю, – согласилась Таня.

– Можно нанять воронов, тем более что мне их прямо-таки почти насильно впаривают, но... Это вообще-то чревато – они всегда будут действовать в интересах своего рода. А тут у нас разные существа, да и информация бывает конфиденциальная, так что сторонние вороны отпадают. Нет, можно обратиться к лисам, но они вообще-то тоже существа интересные. Я могу, конечно, попросить Рууху, и она пригонит мне кого-то из их рода, но это тоже не выход – при таком раскладе выбирать нам не приходится, а с отдельными лисами, бывает, сработаться почти невозможно. Короче, ситуация патовая.

– И это я понимаю, – понурилась Таня.

– Да я же главного не сказал! – возликовал Соколовский с видом Деда Мороза, прослушавшего стишок очередного дитятки и достающего из мешка особо ценный подарок.

– Это была патовая ситуация, до того момента, пока у меня не появился вот этот предмет!

Сокол выдвинул на середину стола небольшую, потемневшую от времени, а может, и от болотной атмосферы, шкатулку.

– А что это? – удивилась Таня.

– Это... А это Танечка, прислуг!

– Кто?

Соколовский усмехнулся:

– А вы повспоминайте! Были в ваших историях такие слуги, которые призывались хозяином какого-то предмета и выполняли его приказы. Они по-разному зовутся – сват Наум, Яшка – красная рубашка, двое из ларца, то, чего не может быть. Но общее название – прислуги. Да вы видели результаты их работы – мой терем как раз построен такими прислугами, да и тут много чего сделано, – Филипп кивнул на гостиничный коридор. – Даже станок для козла они строили, помните козла?

– Забудешь такое... – кивнула Таня.

– Вот и прекрасно, что помните! Так вот, тогда мне ларчик с прислугами давал приятель, а в этом году я заполучил свой такой ларчик, но мои работнички умеют только строить, и то в таком... древнерусском стиле. А вот убирать в доме или выполнять работу по приказу они не умеют. А вот этот, – Сокол коснулся кончиками пальцев шкатулки, – этот – умеет!

– Тут этот... прислуг? – засомневалась Татьяна, глядя на шкатулку.

– Он самый! – довольно кивнул Сокол. – Я возил шкатулку специалисту по таким штукам, так что всё в порядке – его можно использовать для работы в гостинице. Правда, он довольно долго спал – ослаб от того, что исконные земли затягивались туманом, так что и сейчас ещё в полную силу не вошёл – насколько я понимаю, его хватит на второй этаж, чердак и лестницу с вестибюлем, и гараж. Гусятник он пока не потянет.

Таня с недоверием косилась на шкатулку, как-то не очень верилось в то, что сейчас из этой шкатулки появится кто-то, кто сможет снять с неё обязанности по уборке гостиницы.

– Но... – продолжил Сокол. – У нас была одна проблема.

– И какая же? – Таня почему-то была уверена, что какая-то проблема точно имеется.

– Я не был уверен, что хозяйке норушных владений понравится такой слуга, – Филипп прижал руку к груди и отвесил лёгкий поклон в сторону Шушаны.

– А мне и не нравится... – призналась она. – С ними же вечная проблема – они служат тому, что владеет предметом, к которому они привязаны. То есть сегодня вам, а завтра кому-то там... А у нас тут свои секреты – норушны!

– Шушаночка, я буду чрезвычайно осторожен! Никому продавать, передавать или обменивать прислуга не стану! В бою его у меня взять... хм... без излишней скромности скажу, будет весьма проблематично! – признался Соколовский. – А потом, я же специально попросил, так скажем... настроить его так, чтобы я мог передоверять прислуга тем, кому доверяю, оставаясь его хозяином.

Соколовский до сих пор чувствовал, что ему исключительно повезло, раз удалось перехватить единственного человека, который мог, а точнее, могла это сделать, без свидетелей и её спутников, а то воя и ругани было бы выше облаков!

– А так – Катерина, добрая душа, всё сделала за несколько минут, и мне за это даже ничего не было! – посмеивался про себя Соколовский. – Никто мне на ухо не рычал, за грудки не тряс и даже оплаты не потребовал, а то Кот мог бы...

Примечание автора: Катерина – героиня серии «По ту сторону сказки».

Нет-нет, он вовсе не собирался наживаться на добродушии хорошего человека, но полагал, что лучше он сам в нужный момент окажет ей какую-то ценную услугу, чем ему некоторые излишне ушлые создания за Катину помощь счёт выставят.

Сокол ещё раз похвалил себя – всем известно, что, если сам себя не похвалишь, весь день недооценённый проходишь, а потом вернулся к разговору с Шушаной и Татьяной.

– Короче, прислуг будет вам и Танечке подчиняться целиком и полностью!

Шушана покосилась на Таню и покачала головой:

– Я понимаю, что он вам нужен, но тут его не будет! – она обвела лапой кухню. – В смысле, в ЭТОМ доме!

– А в гостинице? – уловил самое главное Сокол.

– В гостинице – можно. Но с условием, что вы сами его разбудите и велите ему подчиняться мне и Танечке – я его приручать не буду!

– Конечно-конечно, – обрадовался Соколовский, который уже настроился на длительные уговоры, и, хотя в их успехе не сомневался, всегда приятно, когда что-то трудновыполнимое берёт и получается относительно легко.

– И как с этим... прислугом управляться? – с ещё большим сомнением уточнила Таня.

– Приказами, конечно! Пойдёмте, Танечка, я вам всё покажу и всему научу! – решительно поднялся из-за стола Сокол. – Шушана, вы идёте?

– Иду, конечно! – норушь с превеликим достоинством перелезла на руки к Татьяне, и они проследовали за Соколовским в гостиничный коридор.

– Шушаночка, а эти... прислуги, они кто? – тихо спросила Таня у норуши. – Типа какого-то джинна? Ну... они же тоже были привязаны к предметам.

– Нет-нет, что вы! – разумеется, Соколовский услышал и, сообразив наконец-то, из чего происходило отсутствие у Татьяны энтузиазма, пояснил:

– Джинны – это нечисть, а прислуги – это просто некий помогающий предмет, они не живые, но и не мёртвые, с сознанием, но без воли, иногда невидимые, кстати, это очень неудобно. Но чаще они облечённые в подобие человеческого образа, только обычно небольшого размера, чтобы удобнее было. Они... ну, как скатерть-самобранка, но с более расширенным... как бы это на современном языке – с расширенным функционалом.

– А можно закончить с рекламной частью и приступить к тестированию? – подал голос Терентий.

– Можно, – усмехнулся Соколовский, постучав по крышке шкатулки. – Явись!

Крышка откинулась, и из шкатулки показалась весьма заспанная физиономия круглолицего светловолосого мужичка в яркой красной рубахе.

– Здрасьте, хозяин! – мужичок вылез на бортик шкатулки, хозяйственно отряхнул серые портки, поправил плетёный пояс и выжидательно воззрился на Соколовского.

– И тебе не чихать, – хмыкнул Филипп. – Так, кроме меня слушаться норушь Шушану и девицу Татьяну. Вот они! Смотри внимательно! Понял?

– Понял, чего ж не понять, коль сказано мне так было!

– А раз понял, приступай к работе! – Соколовский кивнул на коридор. – Убрать дочиста!

Таня аж пискнула от изумления, когда мужичок отважно шагнул с края шкатулки. Она была уверена, что это крошечное создание сейчас попросту разобьётся, но...

Ей пришлось помотать головой, чтобы отследить траекторию перемещений мужичка, потому что скорость его передвижения была невероятной! Не было видно, что именно он делал, но после него в коридоре было не просто чисто, там царила кристальная чистота!

– Сделано! – отчитался прислуг через пару минут.

– То же самое в номерах, – Соколовский кивнул налево. – Все предметы возвращаешь точно на то место, откуда ты их поднял, и ещё... Вон там может быть лягушка – это не мусор, её выбрасывать нельзя! Вообще, по поводу всех живых существ уточняй у Татьяны и Шушаны.

Прислуг кивнул и снова замельтешил так, что его было почти невозможно увидеть, только хлопали двери гостиничных номеров, да в одном из них раздался оглушительный и возмущённый вопль Геннадия:

– Кто? Где? Пааастаавь майн!

– На будущее – уборку лучше проводить в отсутствие жильцов, – спокойно прокомментировал это Соколовский, – но Генчика это не касается. Он – не жилец, он – лягух, который так и не заплатил за проживание!

Через несколько минут, когда все номера сияли чистотой, Филипп велел Татьяне:

– А теперь командуете вы! Ну же, смелее!

Смелее было сложно, но Таня справилась, и по её слову прислуг ринулся чистить лестницу и вестибюль, а потом – по велению Шушаны – гараж и чердак.

– Вот... – констатировал Филипп. – Это уже дело! Ларец будет в тайнике у меня в кабинете. По мере необходимости достаёте и используете!

Редко, когда планы Татьяны менялись из-за начальства настолько позитивно!

– Филипп Иванович! У меня просто слов нет! Спасибо вам огромное! – радовалась Таня, которая внезапно поняла, что ей сейчас уже не нужно будет весь вечер заниматься уборкой – всё уже чисто! И, более того, будет так и дальше без её усилий.

– Пожалуйста! – с удовольствием принимал благодарность Соколовский, раздумывая, что ещё полезного может находиться на болотах, и, в частности, на том болоте, куда Генчик и Илья поедут завтра.

Он окликнул Врана и Крамеша, велел зайти к нему после ужина, а сам отправился в свой безукоризненно убранный кабинет.

Татьяна же, с изумлением обнаружив, что у неё образовался свободный вечер, неожиданно для самой себя решила сходить и прогуляться. Нет, само собой, не без пользы, а с целью покупки новых босоножек.

– А что? Ужин Карина приготовила, убирать мне больше не нужно, что вообще-то изумительно приятно, Иван пока на работе... а босоножки-то нужны! Вот и схожу в магазинчик у метро да посмотрю, какие там есть.

Казалось бы, вот совсем недавно она шла домой, словно тяжёлыми мешками навьюченная, а сейчас – как девчонка, у которой отменили занятия – чуть ли не вприпрыжку спускается по лестнице.

До магазина она дошла... даже босоножки купила, а на обратной дороге столкнулась на повороте с каким-то высоким молодым типом, который неожиданно придержал её за локоть и шепнул:

– Так вот ты какая... А я представлял тебя совсем другой!

Глава 6. Кто ищет, то найдёт

Татьяна резко отстранилась, незнакомец усмехнулся, разжал пальцы и сказал:

– Я напугал? Прошу прощения!

Правда, по его внешнему виду никак нельзя было сказать, что он хоть немного в курсе, что это такое – у кого-то просить это самое прощение – рыжий-рыжий, со светло-светло карими глазами, насмешливый, с длинными волосами, собранными в высокий хвост...

Тане не надо было долго думать, чтобы понять, кто перед ней.

– У вас какое-то дело? Или вы просто... мимо пробежали? – спокойно уточнила она, и незнакомец присвистнул:

– Ого! Ещё и нетрусливая. Забавное сочетание!

– Рада, что вы позабавились. А теперь, извините, но я тороплюсь.

– То есть моё появление для вас – обыденность? – поднял брови её собеседник.

Таня пожала плечами, не считая себя обязанной докладывать первому встречному-попечному, сколько она видела лисовинов, которые могут принимать человеческий облик.

– Хм... ещё и неглупая! – констатировал незнакомый лис.

Татьяна аккуратно обошла рыжего, который стоял у неё на дороге, и продолжила свой путь.

Правда, шагнуть успела только пару раз – перед ней опять оказался тот же тип.

– И даже не поинтересуешься, зачем я приехал? – насмешливо спросил он.

– Это же вам что-то надо, а не мне, – Таня решила, что заходить будет через гостиницу – там, если что, и гуси, и Сшайр...

Нет, угрозы от собеседника она не ощущала, но кто их знает, этих незнакомых лисов.

– А мне и правда кое-что надо! – согласился тот. – Я вообще-то в гости приехал – к другу. Насколько я понимаю, ты с ним хорошо знакома.

Он прервался, явно давая Тане возможность что-то сказать, но она не собиралась играть в угадку, называя этому непойми кому имена известных ей лисовинов.

– Нет, всё-таки неглупая! – с явным сожалением заметил рыжий. – Тяночка тебе знаком? Только не делай вид, что первый раз слышишь это имя.

– Извините, но мне пора, – Татьяна опять обошла настойчивого типа и направилась к дверям гостиницы.

– Тян, привет! – услышала она за спиной. – А ты плохо описываешь людей – я с трудом её узнал. Кого? Ну, как кого? Твою Татьяну! Кстати, она прям кремень! Поняла, кто я, но на контакт ни в какую не идёт! Да что ты так верещишь-то? Аж в ухе засвербело! – с досадой продолжил рыжий. – Ничего такого я с ней не сделал, просто поговорить подошёл.

Тут он увидел, что Татьяна заходит в какую-то дверь, и метнулся следом, проговорив на бегу в смартфон:

– А ещё я нашёл твою нору, Тяночка!

– Да что ж такое? – успела подумать Таня, проходя в вестибюль гостиницы и сознавая, что рыжий явно ныряет за ней. – Чего их сюда так тянет, словно, тут мёдом намазано? Что Илья, что этот чудак? Сейчас ведь огребёт...

Она притормозила у лестницы, чтобы в случае чего успеть остановить охрану, и очень себя за это похвалила, потому что, стоило только незваному гостю пересечь порог гостиницы, как дверь захлопнулась за ним, придав ускорение, а слева из незаметной боковой дверцы вылетели гуси.

– Попал, как есть попал! – сообразила Татьяна, собираясь притормозить гусаков до выяснения личности пришельца, но тот...

– Да он обрадовался! – сообразила она, увидев, как рыжий ухмыльнулся, уворачиваясь от первого броска гусей. – Вот же... искатель приключений на охвосте!

Она была явно недалеко от истины, потому что знакомый Уртына, вместо того чтобы попытаться покинуть незнакомый дом, ответил шутовской поклон Тане и рассмеялся:

– Креативно! Держать гусей около Тяночки! Странно, что они пока не пошли на гусей с яблоками. Ну мне же лучше, хоть позабавлюсь!

Таня только вздохнула и посоветовала:

– Вы лучше обернитесь!

Может, у лиса и был переизбыток наглости, но вот реакция оказалась отменной – стоило ему увидеть боевую форму гусей, как веселье уступило место сосредоточенной настороженности:

– Ого-го! Вот это сюрприз! Тогда вынужден вас покинуть – вернусь с Тяночкой! – успел высказаться рыжий, делая попытку пробиться к входной двери.

– Опрометчиво, – констатировала Таня, оценившая прыжок рыжеволосого типа, прерванный взмахом змеиного хвоста. – Сшайр, осторожнее, возможно, это приятель Уртына. Мальчики, не надо его есть! – притормозила она сильно разочарованных гусей.

– Возможно, приятель? – со слабым любопытством уточнил Сшайр, спеленавший хвостом рыжеволосого и с комфортом разместивший его на мраморном полу. – А разве приятели приходят вот так? – он пошевелил хвостом, отчего лежащий непроизвольно совершил какое-то извивистое движение и зарычал сквозь стиснутые зубы.

– Смотря какой приятель, – пояснила Таня, успокаивающе наглаживая гусей и машинально считая, сколько раз кого погладила. Нет, можно было бы гладить и двумя руками, но мешали купленные босоножки. – Если авантюрного склада – запросто может.

– Ааа, понял, – задумчиво кивнул Сшайр. – Авантюризм – это особый склад характера, который подразумевает в личности постоянный поиск приключений и любовь к рискованным действиям?

– Именно так, – Татьяна пропустила «справедливое» поглаживание, и один из гусей гагакнул, напоминая ей о том, что справедливость – наше гусевсё!

– Да-да, прости, – повинилась она, исправляя свою оплошность.

– Я не понял... – с пола подал голос лис. – А это всё вообще нормально? Динозавры эти... змей в полуобороте, да ещё с энциклопедическими формулировками?

– Соответствие нормам есть явление относительное, ибо нормы на каждый случай могут отличаться, – абсолютно спокойно ответил ему змеевич.

– Круто! – выдохнул лис. – А может, отпустишь?

– Может и отпущу, – согласился Сшайр. – А может, и нет. Посмотрим!

Тут у Тани зазвонил смартфон, и одновременно с этим с верха лестницы послышался голос Соколовского:

– А что это у нас тут такое происходит?

– Филипп Иванович, я не знаю точно, но, возможно, это – приятель Уртына, – Таня тактично представила спелёнутого рыжего, лежащего в кольцах змеиного хвоста.

– Он вас напугал? – Соколовский выводы делать умел. – Преследовал?

– Я не могу сказать, что напугал, – честно ответила Таня, выключая звук верещащего смартфона. – Он ничего такого уж пугающего не делал. Но я сочла, что не стоит идти домой, извините, Филипп Иванович.

– Да вовсе не за что извиняться – вы абсолютно правильно поступили, нельзя вести хвост к дому.

– Ого, не знал, что тут кто-то знает лисий закон! – отозвался пойманный. – А отпустить-то меня можно?

– А зачем? – с ленцой осведомился Соколовский. – Я вас сюда не звал, кто вы, знать не знаю, ведать не ведаю.

– Мне как раз Уртян звонит, – Таня предъявила начальству смартфон.

– Вот как раз и уточните у него, кто это тут такой бегаёт, – скомандовал Филипп.

– Таня! – голос запыхавшегося Уртяна был прекрасно слышен не только Тане, но и Соколу. – Где ты? Где Итафф, ну, тот рыжий, который за тобой шёл?

– Мы в гостинице, – ответила Таня. – Он говорит, что твой приятель, это правда?

– Да! Он тебя не напугал? погоди... в гостинице? Он живой?

– Живой, конечно, – просветила Уртяна Татьяна.

– Хорошо, передай ему, пожалуйста, что я сейчас прибегу и откушу ему его тупую башку! – выпалил Уртян.

Соколовский хмыкнул:

– Настоящие дружеские отношения! – а потом покосился на откровенно озадаченного Сшайра и добавил: – Не заморачивайся, это такая... игра слов.

– Хорошо, – покладисто согласился тот. – А этого... его отпустить или подержать пока?

– Отпускай, что уж тут, – разрешил Филипп. – Может, он хоть теперь объяснит, зачем затеял все эти игры.

Золотисто-песочный хвост распустил тугие кольца, и пленник начал подниматься, запнулся, чуть не упал, отстранил хвост, который его поддерживал, белозубо ухмыльнувшись:

– Сам справлюсь.

И тут Таня обратила внимание на мелкие бисеринки пота, выступившие на лбу рыжего, а ещё на то, что он прилично побледнел.

– Надо будет Сшайру сказать, чтобы он, если будет ещё какой-то такой случай, так кольца не сжимал, – подумала она, но тут входная дверь распахнулась и в вестибюль влетел Уртян.

– Итаффин! – воскликнул он. – Вот авантюрист! Чего ты устроил?

Он пересёк вестибюль и дружески хлопнул по плечу приятеля, от чего тот неожиданно зашипел и резко нырнул напрямиком на пол.

– Итафф! – Тян попытался подхватить рыжего, но не успел.

Зато расчудесно успел Сшайр, поймав падающего и бережно опустив его на пол – раз не враг, то, чего уж там, можно и поддержать. К тому же его нос чуял некий запах...

– Итаффин, ты что? – Уртян подхватил друга за плечи, но тот уже справился с собой.

– Да чего ты так подорвался? Я просто не ожидал, что у тебя тут так окрепли лапы! – через силы усмехнулся он.

– Учитель, от него пахнет старой незажившей раной, – почти беззвучно шепнул Татьяне Сшайр. – Я старался сильно там не сжимать – на спине.

Правда, учуял этот запах не только Сшайр...

– Таф, ты что? Ранен? – прищурился Уртян.

– Да слегка зацепили, – крайне неохотно признался рыжий. – Но уже давно...

– И, судя по запаху, заживить рану у вас не получилось? – уточнил Соколовский. – Странно... с вашей-то регенерацией...

– С мой регенерацией всё чудесно, просто пулю я так и не сумел достать, а она, зараза, тревожит, – объяснил Итафф, отстраняя руку приятеля и поднимаясь на ноги. – Вот, думал, приеду к Тянке, обращусь к его знакомой ветеринарше.

– Так кто мешал-то так и сделать? – уточнил Соколовский.

– Да вот... уловил интересный набор запахов от девушки, решил проверить догадку, опять же, Тяночке сюрприз сделать, пошутить... Не удержался, – обаятельно улыбнулся Итафф. – Прошу прощения, – это уже в адрес Тани.

– Авантюрный склад характера, – словно про себя, задумчиво произнёс Сшайр.

– Однозначно! – согласился с ним Уртян. – И всегда таким был!

– Да ладно тебе... с женой-то познакомишь? – хмыкнул Итафф.

– Сначала пусть твоего приятеля осмотрит Таня, – посоветовал Уртяну Соколовский. – Запах нехороший...

– Что? И вы чуете? – усмехнулся Итафф, – Да, тогда, пожалуй, лучше знакомство отложить. Не хочу прослыть перед красавицей-Аури покалеченным и больным!

Уртян закатил глаза, но бережно поддержал друга, когда того чуть шатнуло на лестнице.

– Я оплачу его лечение, – сказал он, проходя мимо Соколовского.

– Я сам! – не согласился рыжий. – Я при деньгах, и не строй ты такую морду!

В смотровой гостиницы Итафф насмешливо подмигнул Тане:

– Мне раздеться?

– Вам принять истинный вид, – суховати ответила она. – Я лечу исключительно животных. А почему вы, кстати, не обратились к человеческим врачам? Судя по всему, вы с людьми общаетесь часто и проблем в этом не испытываете.

– Не испытываю однозначно, – насмешливо прищурился Итафф. – А почему не обратился – это же огнестрел, врачи обязаны поставить в известность об этом правоохранительные органы, а мне неохота было объяснять, кто в меня палил. Да и выдумывать ничего не хотелось.

– Поняла, – кивнула Таня, ожидая, пока он обратится в лисий вид, но Итафф помялся и, кажется, даже немного, самую малость смущённо заявил:

– Я... я при обороте могу это... короче, когда падаю, очень больно. Если вскрикну, то не пугайся.

Когда абсолютно авантюрное, нагловатое и самоуверенное существо начинает смущаться и... краснеть, причём так, как это делают рыжие, – тотально, до кончиков ушей, то сложно удержаться от невольной улыбки, но Татьяна отчётливо поняла, что лис, пожалуй, боится этого больше, чем новой раны. Поэтому максимально корректно ответила:

– Спасибо, что предупредил! Я поняла.

– А тут он был прав, – задумчиво констатировал Итафф и пояснил: – Тян говорил, что ты необычная. Ладно, чего тянуть-то лиса за хвост... – вздохнул он.

Итафф отошёл от Тани подальше, упал на пол, принял истинный вид и, сколько не пытался не кричать, всё-таки заверещал, да так, что аж уши закладывало от пронзительности.

– Н-да... вот это реакция, и ведь он ещё сдерживался! – оценила про себя Татьяна, затопившись к лису, который так и остался лежать на боку, видимо, переживая боль.

Когда он чуть отдышался, Таня уже увидела проблему – под лопаткой возникло небольшое пятнышко жидкости... тут уж и она учуяла запах давнишнего воспаления.

– Надо на стол... – сказала она.

– Я сам, – оскалился он, когда Таня попыталась его поднять.

– Сам ты сейчас только свалишься и добавишь себе проблем! – строго сказала она.

– Я сам!

– Ужас какой! – подумала Татьяна, глядя, как лис осторожно вскарабкивается на подставленный ею стул, а с него перебирается на смотровой стол. – Нет, всё-таки говорящие животные – это далеко не всегда проща...

Осмотр заставил её нахмуриться – регенерация лиса сыграла с ним дурную шутку, практически полностью затянув пулевое отверстие вместе с пулей внутри, а каждое движение лиса волей-неволей её сдвигало, травмируя ткани.

– Всё плохо? – бодро осведомился лис, когда Таня отошла от стола и сняла перчатки.

– Вовсе нет. Надо вскрыть рану, достать пулю и почистить, всё гораздо лучше, чем могло бы быть! – спокойно отозвалась Таня.

– А когда сможешь сделать?

– Завтра! – уверенно пообещала Татьяна. – Не волнуйся, всё будет хорошо!

– Да кто тут ещё волнуется, – презрительно сморщил нос лис. – Я вообще абсолютно спокоен!

Глава 7. Натуральный упрямец

Таня настоятельно советовала Итаффу не принимать человеческий облик:

– Только травмируешься больше, – она тактично не упомянула о том, что это ещё и дико больно для лиса, но кто бы её ещё послушал...

– Если я до сих пор травмировался и живой, то и это переживу! – решил лис. – А то, что за несправедливость такая? Тянка – в людской форме, а я – в лисьем виде? Нет уж!

– А не проще будет Уртяну лисий вид принять? – Таня сделала ещё одну попытку.

– Не проще! – отрезал упрямец.

Конечно, она могла бы и сегодня провести операцию, только вот опасности для жизни состояние Итаффа не представляло, а она сама была уставшей, да и снимок надо сделать. Короче, лучше было отложить и не рисковать.

Проще было бы и пациента оставить в лисьем виде, а уж если ему так приспичило возвращаться в человеческий вид, хотя бы обезболивающее ему дать, но увы, увы, проще – это не про Итаффа.

– Не хочу, – буркнул он, когда Таня после уколов с антибиотиком и витаминами предложила ввести ему ещё и препарат для снятия боли. – Реакция становится не та, – неохотно пояснил он.

Татьяна заставила себя не спорить – небось, он взрослый и, судя по всему, вполне-вполне опытный в плане всяких повреждений собственного организма.

– Кто я такая, чтобы лезть с уговорами к столь... самоуверенному существу? Хочется ему ещё поверещать при смене образа – как говорится, своя рука – владыка! Что же поделать с таким натуральным упрямцем? – думала Таня.

– И уговаривать не будешь? – хитро прищурился лисовин, усаживаясь на смотровом столе.

– А смысл? – Татьяна пожала печами и стянула перчатки. – Ты – взрослый, самостоятельный, судя по всему, это – не первая твоя... травма. Так зачем мне терять время на уговоры, если ты уже принял решение? Здесь помещения звукоизолированные, так что меняй облик сколько считаешь нужным – тебя никто не услышит.

Лис забавно склонил голову набок и сообщил:

– И почему это тебя Тянка первый нашёл? Вечно этому черномордому везёт!

– Он не меня нашёл, – покачала головой Таня. – Он нашёл моё начальство.

– Твоё начальство? Хм... надо и мне с ним пообщаться. Станный тип.

Таня подавила улыбку и крайне ненавязчивым тоном посоветовала сначала поговорить с Уртяном:

– Он же беспокоится за вас.

– Мы вроде на «ты» общались, – напомнил лис. – Вот так и продолжай. Я не люблю эти реверансы и раскланивания на ровном месте!

Таня никогда не придавала этому вопросу слишком уж большое значение, так что без спора согласилась, правда на этом её покладистость и закончилась.

Лис уже хотел было прыгнуть со смотрового стола на пол, но Таня его остановила:

– Подожди, пожалуйста! Я сейчас выйду, и делай со своим организмом, что считаешь нужным!

– А что так? Ты за меня переживаешь? – живенько заинтересовался лис. – Понравился?

– Понимаешь, – доверительно сообщила Таня, проигнорировав дурацкий вопрос, – я не люблю смотреть, как мне прибавляется работы, вот просто терпеть не могу! Лечить тебя я, конечно, буду, куда ж мне деваться, но вот наблюдать за твоим самокалечением – уволь, мне как-то обидно за свой труд и своё время, которое мне придётся дополнительно на тебя тратить!

После такого заявления Итаффу ничего не оставалось, кроме как принять крайне независимый вид и спуститься с помощью стула.

Таня не стала и наблюдать за его возвращением в человеческий вид – делать ей, что ли, нечего? Вышла, плотно закрыла за собой дверь и оказалась в поле зрения взволнованного Уртыана:

– И как он? Всё серьёзно?

– Рана воспалена, конечно, но там нет ничего такого, с чем нельзя было бы справиться.

– А когда ты его будешь оперировать?

– Завтра – сегодня уже не могу – устала, – объяснила Татьяна.

– Отлично! – обрадовался Уртыан. – Тогда я успею сварить хороший восстанавливающий состав! Погоди... – удивился он. – А почему ты вышла, а Итафф – нет? Ему там плохо?

– Ему там отлично! – послышался за Таниной спиной вальяжный голос, в котором, пожалуй, только Татьяна и уловила лёгкую хрипловатость из-за крика.

– Да ну тебя, – фыркнул Уртыан. – С тобой же не знаешь, куда ты вляпаешься в следующий момент!

– Только не включай режим лисоматери! У меня уже одна есть, и её тоже мясом не корми, дай только повозмущаться по разным поводам! – усмехнулся рыжеволосый красавец.

– Ты где-то остановился? – Уртыан разумно пропустил мимо ушей предыдущую тираду приятеля.

– Нет, думал, может, ты приютишь? Но...

– Но что?

– Но сейчас посоображал – нет, с этой... маленькой проблемкой, – он покосился за своё плечо, – я к тебе не пойду!

– Как хочешь, – видимо, Уртыан тоже хорошо уловил «баранье настроение» Итаффа и решил не спорить. – Тогда пошли к Соколу, я тебя представлю, и ты сможешь снять тут номер. Я могу опла...

– Я ж тебе сказал, что с деньгами! – Итаффин мотнул длинным хвостом волос. – Никогда-то ты ничего не слушаешь! Мне наконец-то крупно подфартило!

– Расплатился спиной? – понимающе кивнул Уртыан. – Бывает...

– Это мелочи, дружище! Тем более что твоя ветеринарша меня починит, и я буду лучше прежнего! Слушай, а как ты с ней познакомился? И вообще, что это за место? Я же долго в тайге был, без связи.

Уртыан покачал головой:

– Это разговор долгий и непростой... Пошли я тебя сначала с Соколом познакомлю, а потом, когда тебе выделят номер, тогда и поговорим. А, кстати, где твои вещи?

– В камере хранения. Потом смотаюсь, – небрежно махнул рукой рыжий. – А пока – води к этому твоему, как там его? К Соколу!

Поздним вечером, когда Таня уже и поужинать успела, и с Иваном встретиться и пообщаться немного, и даже изящно смыться от жалоб Генчика, заловившего её в гостиничном коридоре, в кухню вошёл Уртыан:

– Сокол дал команду разместить Итаффа в номере. Я всё сделал сам, чтобы тебя не дёргать, и еду ему принёс, и вещи из камеры хранения забрал... Тань, а что ты ему такое сказала, что он тебя с ходу так зауважал? – осторожно уточнил лис.

– Не стала его уговаривать, чтобы он сам себе не вредил, – Таня решила, что сегодня заслуживает отдых, так что расположилась на кухне с чашкой чая и безмятежно болтала с Шушаной и Басиной.

Уртыан насмешливо фыркнул:

– Да, это правильная позиция! Он всё равно всё делает по-своему, а может ещё и поперёк советов! Но вообще, он классный...

– Вы давно знакомы? – Таня отчётливо видела, что Тяну очень хочется поговорить о старом друге.

– Да, с детства. Моя семья довольно-таки состоятельная, а у него – не очень, так что мои старались его ко мне не подпускать, но мы всё равно дружили. И на гонки я первый раз за ним отправился, и на бои...

Шушана переглянулась с Таней: по всему выходило, что всевозможные рискованные занятия Уртыана – дело лап этого рыжего деятеля.

– И вечно мы с ним попадали в какие-то переделки, но он умеет всегда выходить сухим из воды, да и меня вытягивать!

– Видимо, всё-таки сам выходил не всегда... – напомнила Таня.

– А... да, рана... Ему и раньше доставалось, но вообще-то редко – он везучий! – тут Уртыан замялся, решившись всё-таки задать тот вопрос, ради которого и пришёл:

– С ним точно всё будет хорошо? Он почему-то не захотел при мне принимать лисий вид...

Таня только вздохнула – вот что делать с этими лисовинами, которые вроде как взрослые, но ведут себя...

– Про вид ты лучше у него самого спрашивай, но я постараюсь завтра, чтобы твой друг был как новенький – иначе как он будет снова кидаться во всевозможные авантюры!

Уртыан покивал, соглашаясь, а потом отправился домой, не зная, что у их разговора был один маленький, но очень важный свидетель!

Конечно же, всё дело в неистребимом любопытстве, а ещё – самую малость – в ревности. Да, и норушам она иногда свойственна, особенно если норушь маленькая, а речь идёт о её большом друге – Уртыане!

– И что там за авантюришт такой? – рассуждала Муринка, поводя носишком у границы междустенья и старательно приносясь к новому лису, спящему на диване, почему-то спиной вверх. – И почему это мой лиш о нём так много рашшказывал шначала Тане, а потом Аури?

Муринка пропустила и появление нового постояльца, и его осмотр по очень простой причине – из-за урока. Тут уж ничего не поделать – и норушатам приходится учиться, а особенно тем, которые умеют общаться с землёй и растениями. А вот теперь она переживала, что не просто пропустила, а упустила что-то важное-преважное – какого-то старого друга её лиша, о котором она почему-то и знать не знает, и ведать не ведаёт!

– Непорядок! – решила Муринка, проскальзывая в номер, где Тяну разместил Итаффа.

Она долго рассматривала спящего, даже уже почти решила его разбудить – уронить чего-нибудь, конечно, так случайно-преслучайно, а потом появиться и поговорить, но новый рыжий лис спал, причём спал плохо – скрипел зубами, мотал головой по подушке, стонал.

– Нехорошо будить, – поняла норушинка. – Он шейчаш такой же штарый тапок, каким был Тишинор, когда болел! Его шначала надо вылечить, а потом уже выяснять, кто он и чего ему от наш с моим лишом и моей лишичкой надо!

Знали бы Уртыан и Аури, как им повезло, что Муринка сразу восприняла «лишичку» как нечто правильное и подходящее...

Потому что для этого подозрительного рыжего у неё уже целый план разработался!

– Как-то шам шобой придумался! – довольно потирала Муринка лапки, возвращаясь в междустенье.

Утром Таня, несмотря на свой выходной, прибыла в клинику с очередным «особым» пациентом от Соколовского и, разумеется, снова вызвала повышенное внимание коллег:

– Не понимаю! – возмущалась администратор. – У нас даже собакам без намордника нельзя, а тут... дикое животное! Как мы можем требовать что-то с клиентов, когда у нас даже наши сотрудники правила нарушают?

– Да, и не говори! – присоединилась к ней Танина коллега. – А когда Татьяне делаешь замечание, у неё один ответ – это распоряжение Соколовского! Да что за глупости! Можно подумать, ему делать больше нечего, как только в такой ерунде разбираться! Ой...

«Ой» – то есть резко покачнувшийся стул, пресёк лишнюю болтовню – куда уж там обсуждать Татьяну, если твой организм неудержимо тянет к полу!

Таня с помощью Константина сделала снимок, убедилась, что пуля располагается именно так, как она и думала, и отправилась избавлять Итаффина от последствий его авантюрного поведения.

– Так, сейчас я его подниму на стол, – начал было Костя, который Тане ассистировал.

Он даже руки протянул, правда, тут же их отдернул, потому что прямо около пальцев недвусмысленно щёлкнули зубы.

– Ого, а ты говорила, что он прирученный и умный, – укоризненно покосился он на Татьяну.

– Кость, он умный, но крайне самостоятельный, – Таня уже привычно подставила невозможному созданию стул и кивнула Косте на забирающегося на стол лиса. – У него процесс подъёма на стол происходит вот так...

– С ума сойти! И правда, эти киношные звери – это нечто невероятное!

– И не говори! – согласилась Таня. А что ей ещё оставалось?

Операция прошла весьма удачно, правда, полость, которая образовалась из-за травмирования тканей, была гораздо больше, чем надеялась Таня, но при учёте регенерации лисов это не так уж и страшно – теперь-то нет куска металла, который раз за разом снова повреждает рану.

– Теперь главное Костика вовремя убрать, чтобы его не смутило ничего... – думала Таня, вспоминая о песнях росوماхи.

Правда, за окном дежурил Крамеш, которому Сокол поручил заниматься мороком всех, кто что-то лишнее увидит или услышит, но в этот раз всё обошлось благополучно.

Как только Костик ушёл, Таня быстренько унесла лиса в гостиницу, стараясь не думать, что бы он сказал, если бы был в сознании.

– Что-что... развопился бы, – мрачно думала Таня, устраивая пациента на полу – чтобы при выходе из наркоза он ниоткуда не упал.

А вот дальнейшее заставило её поволноваться – лис во сне куда-то полз, сбивчиво говорил о том, что пещеры затопит и он не успеет добыть оттуда клад, метался, силясь убежать от какой-то опасности, клацал зубами, явно вырываясь из ловушки.

– Н-да... очень уж у него насыщенная жизнь, и всё это в концентрате на меня напало, и можно сказать, что почти наступило! По крайней мере, нервы оттоптаны кардинально! – думала Таня, перехватывая очередной рывок Итаффа.

– Пусти-ка! – появившаяся из-за Таниной спины Басина была явно запущена в номер через междустенье – дверь точно не открывалась. – Сейчас я его угомоню!

Бася уверенно отстранила Татьяну, наступила толстой лапой на висок лиса и что-то промурлыкала ему в ухо, отчего он послушно поджал лапы, обернулся хвостом и уютно засопел.

– Ну вот! А то в одиночку бегать по своим снам – это одно дело, а с собой кого-то мотать – это уже перебор! – решительно сказала кошка. – Тань, ты иди – я с ним посижу. Поверь, он и не дёрнется! А там в коридоре у нас кризис назрел – Геннадий вопит, что он вывихнул палец и категорически отказывается куда-то ехать без медицинской помощи! Причём я уверена, что он его просто так сгибает, чтобы казалось, что это вывих, но шума там столько...

Когда Таня вышла из номера, она сразу оценила сдержанный стиль Басинового описания событий!

Глава 8. Лечение со спортивным уклоном

Посреди коридора восседал Геночка на трёх лапах, воздев четвёртую вверх, и вопил во всё горло:

– Йа! Мне положен больничный! Я не могу ехать куда-то и там плавать, если я травмирован! Танечка, вот, посмотрите! У меня же травма! Мне по закону положено восстановление!

Тонкий лягушачий палец действительно выглядел странно изогнутым вбок, но Таня и без Басинога предупреждения заподозрила бы подвох – слишком уж картинно завывал лягух, не забывая поглядывать при этом по сторонам, а ещё – не было ни малейшего признака отёка, который при вывихах появляется очень быстро.

Непонятно почему, но Геннадий был уверен, что Таня должна перепугаться, начать ему сочувствовать, суетиться вокруг, но она с каким-то прохладноватым вниманием склонилась, чтобы осмотреть палец.

Требовалось вызвать срочное сопереживание, поэтому Генчик шагнул к Тане, словно случайно наступив на «больную лапу», заверещал ещё пуще, жестом, полным трагизма и безграничного доверия, протянул ей вроде как пострадавшую конечность и сообщил:

– Ужасно болит, а он, – хмурый взгляд через плечо на Илью, который наблюдал за этим действием, прислонившись плечом к стене коридора, – а он требует, чтобы я ехал на болота! Танечка, но я же нездоров! Я не могу!

– Вот про нездоров – это прям чистая и кристальная правда! – флегматично сообщил Татьяне Илья. – Налицо острое воспаление хитрости по всей зелёной морде! Где ж ты палец вывихнул? Хотя... да разве для любителя ничего не делать надо какое-то «где»?

– У меня и правда вывих! Да как ты можешь! – заблажил Геннадий.

– Запросто могу! И нечего Татьяну отвлекать! – Илья стремительно наклонился, сцапал лягуха, немилосердно зажав его в дюже кулачище, и осмотрел лапу со странно изогнутым пальцем. – Чё? Этот пальчик вывихнулся? Так мы его сейчас ввихнём взад! Так было первоначально?

Илья неожиданно ловко взялся за лягушачий палец, потянул его и повернул в направлении, противоположном изгибу.

Вот тут все присутствующие и поняли, что предыдущие завывания Геночки были так... нежным шепотком, потому что, если бы этот дом не был взят под опеку норушами, тут и стёкла бы зазвенели, и штукатурка посыпалась бы!

Илья с трудом смог переорать разошедшегося Геннадия с насущным вопросом:

– Чё орём-то?

– Тыбы... Ты меня покалечил! Ты меня специально вывиихнул! – и это «ииихнул» по пронзительности даже лисье соло превзошло.

– Я тебя не покалечил, а пока лечил! Чувешь разницу? – хмыкнул Илья, ничуть не смущённый обвинениями. – Я вообще-то имею право заниматься вывихами у лягухов – я вуз спортивный закончил!

– Ты мне палец вывихнул! Отдай меня Тане, пусть она вылечит! – заходился Генчик.

Татьяна, изумлённая действиями «лекаря», потянулась было взять лягуха, но Илья отстранил её руку:

– погоди! Сначала надо разобраться! У пальца – и я это точно знаю – есть нормальное положение, есть подвывих, а есть вывих. Генчик вопил про вывих, я его вправил. А чего ты сейчас вопишь? – обратился он к Генчику. – Если он у тебя был вывихнут, то я его ввихнул назад! Ах, он не был вывихнут, ты не был уверен в этом? Нет уж, ты точно вопил о вывихе!

– Илья! – начала Таня.

– Не торопись! Если он сейчас завывает, что я ему чё-то вывихнул, то это означает одно – сначала он тупо врал. Да, Генчик? Так было? Ты ж пойми, чудак! Про здоровье врать низзя! – поучительным тоном заметил Илья. – И особенно мне – я ж и проверить могу, за мной не заржавеет!

– Ааапусти меня! Ааадай Тане!

– Да зачем бы Тане, – Илья усмехнулся и подмигнул Татьяне, – возиться с таким вруном? У неё и так работы-то небось хватает! А вот тебя поручили мне! Со спортивными травмами я разбираться умею, так что, не бойсь, сейчас разберёмся обратно, без проблем поправим! Лады?

– Ниииихт! Ниии троооогааай! – задрыгал задними лапами Генчик, благо только они и виднелись снизу из кулака Ильи.

– С чего бы? – Илья неожиданно быстро отступил от Татьяны, которая всё-таки решила забрать завывающее создание из рук излишне решительного типа, а потом быстренько вернул палец Геночки в первоначальное состояние. – Ну как? Так было? Или куда-то в третью сторону крутануть? Ты ж только скажи, я – человек нежадный, мне ж не жалко! Если у тебя пальцы настолько лишние, что ты тут какие-то финты ими изображаешь, так я тебе сразу помогу их позагигать куда квакнешь! Прямо в любую сторону!

У лягушек суставы гибкие, так что обратное «ввихивание» пальца сразу же убрало болевые ощущения Геннадия, и он несмело пошевелил пострадавшей конечностью – палец послушно согнулся и разогнулся.

– Ну вот, видал? Всё это... функционирует прямо как новенькое! – с гордостью заявил Илья. – А теперь скажи-ка мне, это вот чё было? Ты хотел симулировать и не ездить на болото?

– Отвали! Я не обязан тебе отчитываться! Ты меня искалечил!

– Что ты, что ты! Это я тебя лечил, а калечу я совсем по-другому! Показать как? – жизнерадостно спросил Илья.

– Таня! Спаси меня от него!

– А чё? Ты меня боишься? – радостно подхватил Илья.

Генчик уже почти совсем хотел согласиться, как вдруг сообразил, что это явно будет характеризовать его с какой-то... не такой стороны. У него ж виды на Татьяну!

– Я? Я тебя не боюсь! Я... я просто требую справедливости!

– Ааа, понял! Справедливости, значит! – «осенило» Илью. – Это бывает! Но, прежде чем требовать её себе, давай вспомни, с чего ты сейчас начал! Ты ж обманывал и меня, и Таню! Врал, что у тебя травма, что ты не можешь работать. Я ж уже тренирую, так что таких хитро... выделанных вижу часто! С ними, конечно, так работать нельзя, но они-то люди.

– А я кто? Я – тоже человек! Со мной тоже так нельзя!

– Да какой же ты сейчас человек? Ты это... земноводное! Вот был бы ты человеком, я б тебе пальцы и не трогал, а просто без затей в морду дал, потому что ты меня задерживаешь и работу работать не даёшь! А ещё – врёшь почём зря! – серьёзно сообщил Илья.

Он вообще решил очень серьёзно относиться к своей временной подработке – ещё бы! Она внезапно принесла ему весьма приличную сумму премии! Да так, что он вчера с удовольствием заехал в супермаркет и купил морепродуктов, которые они с отцом очень уважали, а ещё – лакомств маме. И при этом его покупки не сильно уменьшили общую денежную «премиальную» массу, так что Илья был весьма доволен!

Нет, он регулярно выигрывал спортивные соревнования, получая достаточно неплохие деньги, но эти деньги как-то моментально расходились, закрывая прошлые затраты и будущие вложения, а вот эта премия заставила его немного «поднять голову» от спорта и осознать, что и вне спортивных и околоспортивных кругов он тоже может вполне неплохо зарабатывать.

– Для этого нужно работать! – сказал себе Илья, который бездельником отродясь не был, приехав с утра в гостиницу и вникнув в Генины завывания. – А мне Генчик мешает это делать. Надо это прекратить! А то, чё за фигня?

От решения до действия у Ильи всегда проходило совсем немного времени, но вот сейчас это оказалось весьма кстати – Геннадий, опасливо глядя на Илью, похлопал глазами, покосился на Таню, а потом неожиданно кротко заявил:

– Чего ты ко мне пристал? Ну померещилось мне! По-чу-ди-лось, понимаешь? – по слогам, для пушей доходчивости, сообщил Гена. – И вообще, чего мы стоим? Нам же на арбайтен надо!

– Гы! – отреагировал Илья, потрясая кулаком с зажатым там напарником. – Кто б знал, что это такое действенное лечение! Уже прям арбайтен захотелось! Что спортивная медицина делает!

Геннадий, видимо, соглашаясь с этим утверждением, с ходу проявил трудовое рвение, забив по воздуху задними лапами, что Илья прокомментировал так:

– Генчик сразу такой энергичный, хоть масло им взбивай!

Когда эта парочка удалилась на «арбайтен», Таня только руками развела:

– Кто бы мог подумать, что они так... сработаются!

Нет, сама она никогда не смогла пойти бы на такие меры, как Илья, но не могла не признать, что эффект от них был:

– Генчик отчего-то моментально перестаёт маяться дурью и мается уже необходимостью общения с Ильёй, что для окружающих, конечно, благо. Не могу сказать, что это очень удобно для Геннадия, но, с другой стороны, чтобы обеспечить ему это самое удобство, мне, походу, надо выйти за него замуж, поселить у себя и полностью оплачивать все его потребности. Короче, обойдётся! – разумно решила Таня.

В свой выходной она обычно занималась уборкой гостинцы, но теперь решила, что надо воспользоваться прислугом и отправить его в номер Геннадия:

– Он, как постоялец, такой неопрятный! В ванной – вечно болото на полу, в комнатах – крошки, мушки, вещи разбросаны... Да, там недавно прислуг убирал, но сейчас можно начинать сначала!

Татьяна решительно вошла в кабинет Соколовского и позвала норушь:

– Шушаночка, а можно мне шкатулку с прислугом взять?

– Да, конечно! – Шушана юркнула из-под стола Соколовского и махнула лапкой направо – там в стене открылся тайник, где стояла шкатулка. – Бери и пользуйся!

Таня вынула шкатулку, осторожно поставила её на стол начальства и позвала:

– Явись!

Крышка распахнулась, из шкатулки поднялся мужичок, утёр нос рукавом рубахи и установился на Татьяну:

– Чего изволите?

– В комнатах убрать! Сейчас покажу, в каких!

Работа была выполнена стремительно, после чего мужичок пригладил шевелюру и полез обратно в шкатулку, с удовольствием выслушав Танино «спасибо».

– Да я ж завсегда! Ты ж, хозяйка, только свисти!

Таня убрала шкатулку назад в тайник и досадливо поморщилась:

– И как я забыла у Соколовского спросить, можно прислуга кормить или нет? Чего они едят-то?

– Ничего они не едят. Нет, то есть, могут, конечно, если им прикажут, или если сами хозяина решают выбрать, тогда угощение примут, а вот если такого нет, то лучше наградить так, как ты это сделала – поблагодарить. А то на них некоторая еда и питьё странное влияние оказывают – мне Сокол вчера рассказывал перед уходом, что на прислугов его знакомого квас очень странно воздействует, лучше и не пробовать давать!

– Понятно! Хорошо, что сначала уточнила! – порадовалась Таня, прекрасно помня главный принцип «когоугодновладельца» – сначала нужно выяснить, как это «когоугодно» содер-

жать, а уж потом корми-пой! – Это как с дегу – люди по доброте душевной им сладкие яблоки дают, бананы, а им этого категорически нельзя – у них предрасположенность к сахарному диабету. А шиншиллам ни в коем случае не стоит давать сочные овощи и фрукты – у них попросту нет микрофлоры, которая это переварит – живут-то они в каменистых высокогорьях, там ничего такого сочного и водянистого просто нет! Но сколько же я видела страдающих от раздражения кишечника шиншилл и больных дегу! Так что хоть прислуг, конечно, не экзотический грызун, но я уж лучше сначала уточню, что ему можно, а что – нет, а то ещё натворю дел...

Так как уборкой уже заниматься было не нужно, Таня заглянула к мирно спящему Итаффину, за которым ответственно присматривала Бася, а потом отправилась к себе – раз уж выпал свободный день, надо же хоть дому внимание уделить!

Она как раз опрыскивала водой гибискус по имени Нина, как в комнату заявился Терентий:

– Тебя Басина зовёт – лис рвётся проснуться!

– Спасибо, мой хороший, я иду.

Татьяна пришла вовремя – Итаффин уже открыл глаза и пытался сесть.

– Уже что? Всё закончилось? – с недоумением спросил он у Тани.

– Да, операция закончена, ты только так не торопись...

– Да что мне не торопиться, если я уже почти здоров! – упрямец решительно встал и тут же припал к полу.

– У тебя там внутреннее повреждение было очень и очень приличным по размеру, – вздохнула Таня. – Я, конечно, понимаю, что тебе не терпится вскочить и побежать, но надо же хоть немного дать себе поправиться!

Лис недовольно поморщился, но тут в дверь постучали, она приоткрылась, и в щель просунулась голова Уртыана.

– Рад, что тебе лучше! – обрадовался Тян. – Я тебе отвар принёс.

– Какой ещё отвар? – недовольно уточнил лис – если бы не отчётливая боль в спине, конечно, он бы и не подумал послушаться Татьяну – вот ещё не хватало!

– Для лучшего заживления.

– Тян, ты же знаешь, какая у нас регенерация...

– Вот как раз под нашу регенерацию отвар и сварен! Я же тебе говорил, что я теперь травник!

– Да, что-то такое было, – неохотно признался Итаффин. – Ладно, давай свою отраву.

Таня ясно увидела, как сказанное обидело Уртыана, и не удержалась:

– Уртыан варит великолепные отвары! Они уж точно не отравы!

– Да ладно, ладно, я же шучу! – фыркнул Итафф, сунув нос в плоскую с коричневатой жидкостью. – Пахнет неплохо, – признал он.

Пока рыжий лис лакал отвар, Таня размышляла о том, как странно они с Уртыаном общаются – зачем, спрашивается, Итаффу было так пренебрежительно отзываться о занятии друга?

– А знаешь, твоё зелье не так уж и бесполезно! – фыркнул Итаффин, закончив пить. – Спина болит меньше!

– Рад, что помогло, – растерянно ответил Уртыан, который уже давно привык к тому, что, как травник, он не делает никаких «бесполезных зелий» – все только очень полезные и отменного качества!

Кто бы знал, что Муринка, слыша это, сердито топала лапами в междустенье, и только Шушана удержала её от того, чтобы выйти и:

– Показать этому наглому рыжему лишу, как нельзя общаться с моим Уртыаном!

Глава 9. То, к чему шёл всю жизнь

Итаффин, допив отвар, всё-таки поднялся и начал ходить по комнате, постоянно пытаюсь потянуться, размяться.

– Да куда ты так торопишься? – не выдержал Уртян. – Дай ты тканям восстановиться!

– Куда тороплюсь? – невесело фыркнул его приятель. – Понимаешь, я нашёл то, к чему стремился, к чему шёл всю жизнь! Я нашёл свой клад!

Уртян удивлённо прижмурился – чтобы другу было комфортнее, он принял истинный облик и теперь сидел, аккуратно обернув хвостом лапы.

– Не жмурься! – строго велел Итафф. – Я серьёзно! Помнишь, когда я уехал на Урал, ещё тебя с собой звал, но ты с травмой был после боя, а мне ехать надо было срочно...

– Помню, конечно, – кивнул Уртян. – Ты тогда надолго запропал.

– Ещё бы... чуть совсем там и не остался, зато кое-что вызнал – в одной из деревень в грозу завернул в заброшенную избу и там случайно нашёл записи последнего хозяина о легенде, которую ему поведал его прадед. Да не фыркай ты! Хозяин дома был историк – учитель истории и краевед, так что всё всерьёз. Он всю жизнь уточнял те данные, которые узнал от прадеда, похоже, историком-то стал благодаря им.

– И эти записи просто так валялись?

– Да там много чего просто так валяется – никому не нужно, поэтому так и вышло. Я так понял, что наследники-то были, только вот записями никто не заинтересовался.

– И этот прадед писал о кладе? – повёл ушами Уртян.

– Не совсем – он писал об обозе с золотом, который шёл с одного из приисков купцов Строгановых. Обоз, само собой, сопровождала охрана, да вот только он до пункта назначения так и не добрался. Места глухие, лихих людей хватало, короче, сгинул обоз со всеми людьми и золотом.

– Так, небось, какие-то грабители напали, охрану перебили, а золото забрали!

– Так-то оно так, только вот прадед историка узнал, что один охотник наткнулся на пещеру в лесу, рядом были старые обломки от телег. Пошёл он в пещеру, а там – кости под ногами, да в глубине мешки свалены и что-то поблёскивает. Он, пока до них добрался, такого страха натерпелся... Жутко ему было в той пещере. Короче, обнаружил он множество мешков, часть из них порвана, а в них – золото! Он, конечно, давай его грести, а тут вода...

– Какая ещё вода?

– Там в пещере ручей протекает. Его надо перейти, чтобы до золота добраться. Так вот, как только он золото взял да назад повернул, ручей забурился, стал разливаться, да так, что перебираться надо было вплавь! Охотник-то с золотом был, так едва не потонул! Начал слитки выкидывать, чтобы выплыть.

– И ничего у него не осталось в результате? – понимающе протянул Уртян.

– Нет, как раз осталось – один слиток сумел сохранить и выбраться из потока – тот ручей уже реально потоком стал! Аж из пещеры выплёскивался. Охотник бежал оттуда со всех лап, в смысле, ног, и больше никогда туда не возвращался, но место запомнил.

– А почему не возвращался?

– Да он местный, решил, что это золото проклято, вот и не пошёл туда больше. Тот слиток, который у него был, он разбил на маленькие куски и потихонечку продал, так, чтобы его за хвост не взяли и не начали допытываться, откуда у него такая находка.

– А потом он это всё вывалил прадеду историка? – с сомнением произнёс Уртян.

– Вывалил, потому что старый совсем был, а прадед историка его внука спас. Вот он ему и рассказал, но честно предупредил, что место то дурное, соваться туда нельзя! Прадед, ясное

дело, хотел сходить, да так и не выбрался, зато ориентиры все оставил потомкам. А историк всё записал и мечтал сам туда наведаться. Даже был один раз в тех местах...

– И почему же не собрался зайти в пещеру?

– Так не один был, а с группой геологов. Сам понимаешь, за золотом так не сходишь!

– И ты поверил во все эти басни?

– Да это не басни, Тян! Я-то туда как раз дошёл... Добрался как раз по ориентирам, описанным в записях историка, телег там уже, разумеется, нет, всё рассыпалось в прах, а вот костей внутри неожиданно много. А главное – золото есть! Оно там, понимаешь? Я его видел, касался его! Я взял много, как тот охотник, а потом... Потом ручей словно кто-то включил на максимум! Я думал лисом проскочить, но не вышло – сносило вглубь пещеры, а там и правда жуть какая-то...

Итафф помолчал, словно снова видя над головой тёмные своды, гремющий поток воды, а ещё – странный негромкий звук, едва слышный за шумом потока, который словно затягивал его в темноту пещерных сводов.

Ему пришлось вернуться в людской облик, чтобы перестать слышать этот звук, а ещё – чтобы удержаться на воде, не дать потоку себя снести в то самое страшное место.

– Мне, как и тому охотнику, пришлось повывбрасывать всё, что я набрал, за исключением одного слитка, и бежать так! – наконец-то выговорил рыжий лис. – И мне... мне не справиться одному, понимаешь?

– Ты хочешь вернуться?

– Да! Ты же знаешь, у меня мать и сестрички, я должен их толком обеспечить!

– Для этого не надо лезть в ту жуть! – Уртян умел выделять в рассказах друга самое главное и, кажется, наконец-то понял, почему тот с видимым неудовольствием отреагировал на то, что он сейчас стал травником.

– Тян, ты же знаешь, у меня вечно хвост закручен штопором... – усмехнулся Итафф. – Я не могу сидеть в тёплой норе, меня так и тянет на приключения. С моей жизнью, я не знаю, когда и где окажусь, а мама и лисёны... Им нужна хорошая и надёжная жизнь. С этим золотом она у них будет!

– Знаешь, судя по тому, что ты рассказал, скорее вероятно, что у тебя её не будет. Вообще никакой жизни! И что тогда случится с твоими?

– Вот поэтому-то я и хотел, чтобы ты меня подстраховал! Ты можешь даже в пещеру не ходить – я просто обвяжу мешок с золотом верёвкой, и ты его вытащишь!

– Ты ж понимаешь, что если что-то будет с тобой, то я в любом случае попрусь в эту пещеру?! – фыркнул Уртян, прекрасно помня, как когда-то Итафф пошёл за ним, вляпываясь в абсолютно безнадёжную ситуацию. Пошёл и спас!

– Я знаю. Поэтому постараюсь, чтобы со мной ничего не было! Я же уже один раз оттуда выбрался, и охотник выбрался... Только вот добыча маловата оказалась! Тян! Давай, соглашайся! Смотри, ты зарабатываешь сбором трав, варкой отваров, но если мы найдём и заберём хоть часть золота, то ты сможешь делать то, что захочешь! Ты можешь начхать на этого человека, которому сейчас вынужден подчиняться для заработка! Ты будешь волен делать то, что захочешь!

– Мы же всё поделим пополам! – продолжал Итафф. – Тебе хватит на всю жизнь. Помнишь, это же твоя мечта – круто заработать и делать потом только то, что тебе хочется?

Уртян невесело вздохнул – они первый раз за много времени разговаривали совсем недавно – Таф позвонил ему, и как же он был рад! Правда, поговорить вышло с пятого на десятое – он только и рассказал, что живёт теперь в Москве, только что женился, что жену зовут Аури. Потом, силясь объяснить, как оказался в Москве, рассказал о знакомстве с Татьяной-ветеринаром, короче, разговор был сумбурный и недолгий – у Итаффа то и дело пропадала

связь. А вот теперь, похоже, надо рассказывать всё подробно, тем более что Сокол его друга не впечатлил – куда-то торопился, так что просто распорядился выделить ему номер, да и всё.

– Таф, ты мне о себе рассказал, а я тебе сейчас о своих делах протяжкаю! – решил Уртян. – Сядь только, не мельтеши! – он решил по минимуму говорить о норушах – это не его секрет, как можно меньше рассказывать о самом доме. Не потому, что не доверял, а просто из-за особенностей места, где живёт.

Итафф послушался, неловко уселся на тёплое и толстое одеяло, которое ему постелили на полу, и принялся слушать.

Он не перебивал друга, только прищурился в особо сложных местах рассказа, правда, и выловил из него главное:

– Я помню, как ты спрашивал у меня про запахи – вижу ли я их, словно они – цветные полосы, – наконец-то сказал он. – Так вот почему ты тогда спрашивал...

– Да. И теперь ты понимаешь, что для меня это не навязная в зубах работа, которую надо делать ради денег, а моё призвание, моя радость и гордость. И Аури – не просто лисичка, которую я привёл в свою нору, потому что так решила родня или вроде как уже пора, а лиса, с которой я готов бежать рядом всю жизнь! Да и Сокол... это не начальник, которого век бы не видел! Это кто-то вроде... князя, понимаешь?

– Если честно – не очень! – насторожился Итафф.

– Ты, видать, уже никакой был, так что и внимания на него не обратил, а он не стал показываться... Он из исконных земель, Таф. И очень непрост, прямо скажем! Я у него... работал в разных ситуациях – сам же слышал, как всё было, так вот, если выбирать, одному бегать по лесам или под рукой у Сокола, я выберу второе!

– Да я тебе и не предлагал одному, – тяжело вздохнул Итафф. – Я предлагал вместе со мной!

Он не был глупцом, так что на протяжении всего рассказа Уртяна всё с большей чёткостью осознавал, что сманить друга с собой в тайгу ему не удастся – слишком много есть такого, что его тут держит. Причём держит не насильно, а гораздо более прочными узами.

– Ладно, – продолжил он. – Я понял! Тем более что отвар, который ты мне принёс, действительно... талантливо сделан – такой действительно выходит только из-под лап одарённого травника.

Итафф, и это был редкий случай, говорил серьёзно. У них и так случалось, правда, нечасто – они оба предпочитали покусывать да подшучивать друг над другом.

Уртян ответил тем же:

– Таф, я не хочу, чтобы ты так рисковал. Оставайся здесь – у Сокола найдётся для тебя работа! Уж поверь, скучать не придётся!

– Ты же знаешь, что я на дядю, какого бы он ни был роду-племени, не работаю! – мотнул головой Итафф и тут же пожалел об этом – жест отозвался болью в спине.

– Знаю, что ты так не работал... но надо же когда-то меняться!

– А зачем? Я – вольный лис! Бегу туда, куда считаю нужным, никому не подчиняюсь и всегда делаю то, что хочу!

– Неправда... – серьёзно возразил ему Уртян. – Разве совсем недавно ты мог делать то, что хочешь? У тебя пуля в спине была, уж она-то придерживала тебя значительно лучше любого «дяди».

– Аррх, – Итафф насмешливо клацнул зубами перед носом Тяна. – Не читай мне нотаций – у меня для этого есть мать.

– Это само собой, – серьёзно кивнул Уртян. – Кстати, а кто тебя подстрелил?

– Да это я сам виноват! Оказался глупее того охотника – поторопился продать слиток... – неохотно признался Итафф. – А люди были очень уж любопытны.

– Захотели узнать, где ты его взял и нет ли ещё? – понимающе кивнул Уртян.

– Именно! К счастью, я сумел улизнуть, принять истинный вид и смыться от них!

– Ты уверен? Такие люди редко теряют след.

– Да не парься ты! Конечно, я удачно улизнул! – беззаботно отмахнулся Итафф. – В любом случае, к твоей норе я их не привёл!

В этом Итаффин был уверен на все сто процентов – он специально оставил машину в Подмоскowie, а сам путал следы по всему городу, так, что ни одна слежка его бы не обнаружила – он сам мог быть сколь угодно беспечен, но, если речь шла о близких, никогда не жалел времени на то, чтобы запутать любого охотника, кем бы он ни был!

– Ладно, я понял... – кивнул Уртян. – В любом случае, пока отдыхай и восстанавливайся. Мы с тобой ещё поговорим обо всём этом! Спина болит? Могу ещё обезболивающее сделать.

– Нет, всё совсем неплохо, – с некоторым даже изумлением ответил Итафф. – А ты и правда редкий умелец! Да не надо на меня так смотреть. И вообще, иди уже, мне бы полежать...

Рыжий лис смотрел вслед чернобурому, уходящему из комнаты, а потом, когда дверь закрылась, опустил голову так, что почти достал носом до пола – он очень надеялся, что Тяночка поедет с ним, прикроет спину, что сможет помочь вытащить золото из пещеры!

– Я бы и не пустил его внутрь! Ни за что бы не пустил! – думал Итафф. – А так... так всё стало гораздо сложнее. Хотя... можно же лебёдку взять! Ну конечно! И как я сразу не подумал? Это же выход.

Он встрепенулся, с некоторым трудом поднялся на ноги и начал снова выхаживать по комнате, стараясь как можно скорее разработать мышцы.

В междустенье за лисом мрачновато наблюдала Муринка. Она-то всё поняла верно:

– Так это он не ошкорблял лишика, а прошто они так общаються – погрызами и покушами. Это бывает. Мы с Мурашиком тоже кушаемши иногда – в шутку, но шильно. Ладно, это я поняла, но вот дальше... Он же хотел шманить моего лишика в какую-то штрашную пещеру! Но мой лиш умный... не шоглашилша. Шейчаш не шоглашилша! Только вот, этот рыжий... он же точно пойдёт туда!

Мурина понаблюдала за метаниями Итаффина и кивнула сама себе:

– Шо вшех лап побежит! А это значит, что попадётся! Это шамое золото – оно, наверное, прошто так нигде не лежит! И что потом будет? – она покрутила в лапке одну из выращенных ею лично и очень послушных плетучек.

– А потом мой лиш будет переживать и помчится шпашать швоего друга!

Ей ужасно хотелось спеленать плетучками этого глупого рыжего по всем лапам и даже хвост не оставить без внимания – такие беспокойные типы непременно хоть кончиком хвоста да влезут в беду!

– Пока нельзя, – вздохнула умная Муринка. – Пока он вещь ранетый, надо подождать! А вот потом я пошмотрю, куда там эта рыжемордая лишовина побежит!

Она неохотно удалилась из междустенья, ворча про себя о том, что нипочём не позволит каким-то рыжим дурням мешать её лишикам нормально жить! Но надо было узнать кое-какие детали.

В таком гремучем состоянии души Муринка и прибыла к Тане, сердито оттолкнула лапкой чайную ложку, уселась на край блюда и требовательно воззрилась на человека:

– Кто такие шлитки? – спросила она очень строго. – И что такое эти штрогановы?

Глава 10. Обычный-необычный

После наводящих вопросов Тани и подробно-шепелявых ответов Муринки стало понятно и о чём спрашивает норушинка, и о чём разговаривали лисы.

– С одной стороны – Уртян явно не хотел, чтобы кто-то знал об этом разговоре, а с другой... Ой, он же точно пойдёт искать Итаффа, если с тем что-то случится! – переживала Таня, неспеша объясняя Муринке, кто такие Строгановы и что такое слитки.

– Я его из дома не выпущу! – решительно топнула лапкой Муринка. – Ничего! Пошидит-пошидит в междуштенье, ещё и привыкнет!

– Муриночка, но так же нельзя... – вздохнула Таня.

– А лиша моего шманивать лъзя? – хмуро воззрилась на неё норушинка.

– Так он и не сманивает уже.

– Но ведь лишик всё равно побежит шпашать!

– Это да... Но мы можем рассказать это всё Шушане и Соколу – может быть, они придумают, как быть!

– А чего тут думать? Заштрать этого Итаффа в междуштенье, и пусть думает швоим междуушьем, как надо шебя вешти! – разошлась грозная Мурина.

– Кого это ты запирать уже собралась? – хихикнула Шушана, выбираясь из хода на спинку дивана. – И кто так разозлил мою малышку?

«Малышка», только что ощущавшая себя громадной и грозной страшнонорушью, выдохнула и уткнулась лбом в лапы Шушаны.

– Я не могу! Ешли я его отпущу, то он... он тошно не вернётся – мой лиш – он не вернётся домой никогда! А я так больше не шумею... Чтобы и он тоже не вернулша!

Таня с Шушаной переглянулись – обе понимали, что Муринка говорит про родителей.

– А ты мне расскажи, почему это он должен точно не вернуться? – мягко попросила Шушана, а когда услышала рассказ норушинки, то тут же заявила:

– Таня права! Нам нужно идти к Соколу, как только он вернётся! Понимаешь, мы, конечно, можем этого Итаффа потерять у себя надолго... Но Уртян-то будет за него беспокоиться, а когда поймёт, что его всё нет и нет, решит, что он запропал в тайге, и всё равно пойдёт его искать.

– А ешли и лиша запереть? – с надеждой подняла мордашку Муринка.

– Разве же можно насильно удерживать тех, кого любишь? – вздохнула Шушана, погладив норушинку по голове. – Сама подумай, если бы Тишинор тебя запер, разве ты могла бы быть счастлива?

Всхлипывающая Муринка замотала головой.

– Вот именно! Поэтому давай-ка мы посоветуемся с тем, кто гораздо лучше понимает во всяких невозможных приключениях! – решительно заявила Шушана. – А пока твоему лишику ничего и не угрожает – Итафф же лечится!

Итафф действительно лечился – спина заживала, он сам отдыхал, ел вдоволь, спал, как медведь зимой, короче, давал себе возможность восстановиться. Через день после операции он уже мог принимать людской вид без крика, чем и воспользовался, выйдя в гостиничный коридор для того, чтобы встретиться с Уртяном, соответствуя ему.

– Ты чего в такой форме? – удивился Тян. – Я как раз собирался принять истинный вид, чтобы к тебе зайти.

– Мне же надо приводить себя в порядок, вот я этим и занимаюсь. А потом... интересно у вас всё. Вот это, например, кто? – он кивнул в спину Ильи, который шёл по коридору к лестнице с переноской в руках.

– Это? Человек.

– Что? Прямо обычный человек? – удивился Итафф.

– Да, обычный.

Тут из переноски послышался громкий голос Генчика, который требовал нести его аккуратнее, осторожнее, бережнее, потому что:

– Меня же укачивает!

– Если укачает, я просто этого не вынесу! Ослабеют мои руки, и я тебя не удержу, а мы уже почти на лестнице! – невозмутимо парировал Илья. – Так что или ты неукачанный тихо сидишь в переноске, или ты таки укачался и тогда громко катишься с ней вниз. Решай сам!

У Итаффа аж глаза загорелись от любопытства:

– Тянка, колись... кто там внутри?

– Нюх отшибло? – насмешливо уточнил Уртян, позволяя себе небольшую месть за «Тянку» – он терпеть не мог, когда его так называли, но Тафу много позволялось... Впрочем, это было взаимно – любой из их знакомых только за подозрение в том, что у них что-то с нюхом, устроил бы драку, а рыжий на это только фыркнул:

– Вредный ты какой! Я чую, конечно, но... по запаху там лягушка!

– Она и есть. Точнее, он – лягух!

– Да ладно... А почему ты говоришь, что человек, который её несёт, обычный?

– Потому что так и есть.

– Да где ж ты видел обычного, который спокойно это вот всё воспринимает? – Итафф обвёл рукой гостиничное пространство, с радостью осознав, что спина при этом почти не отзывается болью.

– Здесь и видел – Илья, он... как тебе сказать... он спортсмен. Судя по всему, его так тренировали, что аж дрессировали. Сказано, что так и должно быть, значит, так оно и есть!

– Забавный тип! А лягух?

– Он – тоже человек. Правда, конечно, не обычный, а невыносимый. По-моему, его только Илья и выносит.

Тут со стороны лестницы послышались вопли Геннадия по поводу того, что в вестибюле сквозняк, ему так неудобно, кожа сохнет, так что его нужно опрыскать родниковой водой!

– Я тебя сейчас квасом оболую, хочешь? – невозмутимо ответил Илья. – Квас даже лучше – шипит и пенится – тебя будет и не слышно, и не видно!

– Короче, хорошо, что он его и выносит, и уносит! – скаламбурил Итаффин, оценив доставучесть лягуха.

– Не то слово! – Уртян смотрел на друга и очень хотел, чтобы он сказал, что передумал, что не поедет он за этим золотом, но Таф и не собирался произносить ничего подобного.

Напротив, он уверенно собирался в дорогу...

Соколовский самолично съездил в загородный дом Крыланы, благо его туда неоднократно приглашали. Его встретила очень мрачная хозяйка дома, опасно сузившая глаза, когда в комнату, где они беседовали, в восьмой раз кто-то заглянул и поинтересовался, а когда подавать чай, будет ли гость обедать, стоит ли ему готовить комнату, нужно ли поставить его машину в гараж, что бы он хотел к чаю.

– А может, вообще кофе? – любопытное личико молодой вороницы так и сияло стремлением угодить.

– Сгинь! Сгинь, иначе я за себя не рручаюсь! – велела Крылана, вороница уставилась на взметнувшиеся пряди, пискнула и стремительно исчезла, плотно закрыв за собой дверь.

– Достали? – посочувствовал Соколовский.

– Очень! К такому жизнь меня не готовила! – откровенно призналась Крылана. – Я не могу привыкнуть к тому, что у меня под крылом куча каких-то родственников, приспособен-

ных сюда на службу ещё какими-то родственницами, множество гостей, половину которых я даже не видела никогда, и все они чего-то хотят!

– Сочувствую! – душевно разулыбался Соколовский.

– А вы чего хотите? – проницательно усмехнулась Крылана, абсолютно никакого трепета при виде Сокола не испытывавшая – она всегда подозревала его в том, что он как-то не лучшим образом обращается со своей подчинённой и её подругой Таней...

– Ничего-то от вас, Крыланочка, не утаить! – шутливо покаялся Соколовский. – Я хотел вам предложить немного развеяться в киношной атмосфере! Так сказать, ни в чём себе не отказывать, отвести душеньку!

– Что? Опять режиссёры-сценаристы и зелёный попугай? – заинтересовалась Крылана, слегка переиначив слова из песни к советскому фильму про Красную Шапочку.

– Точно! И опять портят и хороший фильм, и жизнь моей партнёрше. Помните вы её видели, светленькая такая? Да и мне тоже подгаживают. А уж как зрителей разочаруют... И ведь главное-то что?

– И что же?

– Фильм можно спасти! Но мне нужно ваше содействие!

Крылана припомнила, что вечером у неё торжественный ужин в честь прибытия двоюродной тётки троюродной сестры Карунда, и уже почти собралась отказаться, но тут дверь опять открылась, в комнату вплыла дородная вороница, которая густым басом напомнила «Крыланочке» о том, что ей пора пить витамины и кальций.

«Крыланочка» так посмотрела на вошедшую, что та чуть с дверью не вышла, а потом громко, чтобы вторженица, подслушивающая под дверью, точно услышала, заявила:

– Я с удовольствием съезжу с вами на съёмочную площадку! Заодно и Каррунда встречу – он сегодня вечером возвращается в Москву.

А когда по коридору затопали торопливые шаги вороницы, которая явно мчалась за подкреплением, которое могло бы убедить «Крыланочку» вести себя подобающим образом и помнить про торжественную встречу очередной незваной родственницы, Крылана строго велела Соколу:

– Поехали немедленно, а то я как раз дозрррела до глобальных воздействий на окружающую среду!

– Главное, дотерпите до студии! – очень серьёзно посоветовал Сокол. – А в машине почтаете сценарий – как он есть сейчас, и как его надо внушить.

– Договорились!

И они поехали...

На съёмочной площадке царило ошеломлённое потрясение – Соколовский привёл какую-то консультантку, которая увела странно покорного режиссёра в трейлер, а потом он вышел такой... такой вдохновлённый, будто ему это вдохновение добротным пинком внушили.

– Так, кто там дальше? Сценарист? – азартно сверкала глазами Крылана.

– Да, сейчас вам его приведут. А я пока займусь исполнительным продюсером, – белозубо улыбался Сокол.

К вечеру стало понятно, что фильм спасён, более того, вполне-вполне может потянуть на шедевр! Партнёрша Соколовского, Светлана, восхищённо сверкала глазами над переделанным сценарием, сознавая, что спасена ещё и её карьера.

Крылана же, отряхнув с себя светские враноусловности, внезапно решила, что жила она без знакомства с бесценной двоюродной тёткой троюродной сестры Карунда, которую он сам терпеть не мог, и дальше расчудесно без неё проживёт!

– А ещё я как-нибудь обойдусь без той надоеды, которая мне витамины и кальций подсовывает, хотя я пока птенцов не жду и даже не собираюсь! Мы так сами с Каррундом решили – подождать ещё немного, пожить для себя. Но для себя же, а не для кучи незнакомой нам

продни! – напомнила себе Крылана, когда Соколовский с комфортом доставил её домой – в городскую квартиру норушного дома.

Она тут же позвонила мужу, который как раз посадил самолёт и обречённо предчувствовал общение с двоюродной тёткой своей троюродной сестры. Выслушав жену и её декларацию неповиновения, он заявил, что мечтает о спокойном вечере наедине с супругой, а не о светских приёмах, так что пусть эти самые незванные особы сами себя и развлекают!

– Могут ещё к повару заглянуть – в виде ррразвлечения, если им так уж захочется получить стресс! Он – медведь, ему только на пользу воррон погонять! А к нам лезть не надо! – решили супруги.

Соколовский, ехидно усмехаясь в адрес ворониц, оставшихся без объекта доставания, с удовольствием добрался до своего гостиничного кабинета и только-только там обосновался, как выяснил, что обречён на встречу с очень серьёзной троицей переговорщиц – Таней, Шушной и Муринкой. Стоило ему только вернуться со съёмочной площадки, как они появились на пороге, причём было понятно, что дело весьма серьёзное и отлагательств не потерпит!

– А что это у нас случилось? – уточнил Сокол самым нейтральным и ненавязчивым тоном из своего обширного репертуара тонов и интонаций.

– Филипп Иванович, у нас тут зреет серьёзная проблема... – начала Таня.

– Она не проблема! – сообщила Муринка, взволнованно подпрыгивая на Таниных руках. – Она уже беда! Мой лишик может пропасть! Точнее, он пропадёт, ешли уйдёт за швоим другом! Я чую!

Выслушав причины «чуйки» Муринки, Соколовский вздохнул:

– Что я могу сказать, Мурина права – если они туда уйдут, то уже не вернуться...

– Но... но и охотник, и Итафф, когда первый раз туда ходили, сумели выйти, – напомнила Таня. – Или эта пещера выдаёт только по одному слитку? А если вернулся, то типа жадничаешь?

– Пещере на слитки фиолетово, – объяснил Сокол. – А вот тому, кто в ней обитает... или, скорее, тем, кто в ней обитает, вот им очень даже интересно! Но только не золото, а те, кто за ним приходит. Слиток разрешается вынести как приманку – люди непременно вернуться за золотом, стоит им только узнать, что оно есть и его много! Слиток – это лучшее доказательство того, что рассказы выживших – не враньё!

– Выживших? Интересно... а ещё были люди, которые выходили их пещеры? – внезапно заинтересовалась Таня.

– Уверен, что были! Тамошные места, конечно, глухие, безлюдные, но всё-таки не настолько, чтобы за прошедшие столетия туда вообще никто не заходил! Люди приходили, интересовались, что в пещере, гребли золото, попадали в разлившийся ручей, убегали с одним слиточком, а потом непременно возвращались с компанией себе подобных, чтобы достать сокровище.

– А потом? – тихо спросила Таня.

– А потом всё... Они уже не выходили из этой пещеры, ибо не для того их приманивали, чтобы отпускать, – Сокол задумчиво покрутил лежащую на столе ручку, глядя куда-то сквозь Таню, словно там, у неё за спиной, видел эту пещеру.

Татьяна поёжилась и спросила:

– А... а кто там может быть?

– Судя по рассказу Итаффа, кто-то из змей – эти существа живут долго, прекрасно продумывают стратегию, знают о любви к золоту у людей, а потом... эти фокусы с водой в пещерах только они и могут устраивать. Да и масса костей у входа в пещеру говорит о том же – все прочие хищники просто разгрызли бы их в прах или уволокли бы в лес – закопать на чёрный день, а змеи таким не заморачиваются.

– Змеи? Такие как Сшайр? – удивилась Таня. – Или Ххорш?

– Нет-нет, не змеевичи, а обычные змеи. В смысле, необычные, конечно – они огромные, очень сильные, со своими талантами и способностями, но вот в людей оборачиваться не умеют.

– Интересно, а те, первые люди с золотом... это они сами пришли в змеиную пещеру, или змей приманила их добыча? – задумчиво произнесла Таня, и Соколовский невольно улыбнулся, подумав, как она изменилась – ни тебе изумления, ни паники – интересно ей!

Впрочем, он тут же стёр эту неуместную в данный момент улыбку и ответил:

– Уверен, что те грабители пришли в пещеру, где змеи уже обитали – они обычно не покидают своего гнезда, раз уж нашли себе удобное место. Не могу сказать, что я им сочувствую, – пожал плечами Соколовский. – Они нашли себе достойную награду – стали, так сказать, десертом для пещерных обитателей.

И тут не выдержала Муринка, которая себе весь хвост исщипала, стараясь вести себя правильно – так, как должна себя вести воспитанная норушинка. Но ведь никаких же сил уже не оставалось:

– А что же делать ш моим лишиком?! – пискнула она, утирая слёзы, которые всё-таки не сумела удержать.

Глава 11. Реконструкция памяти

Соколовский пожал плечами – он прекрасно понимал, что решать этот вопрос придётся именно ему – авантюрист Итафф непременно вляпается в беду, а Уртян, не получив известий от друга, поедет его искать и сгинет сам.

– Вот уж не для того я нашёл одарённого травника, чтобы так его потерять! – думал он.

Правда, в присутствии плачущей Муринки долго предаваться размышлениям было сложно...

– Я поговорю с Итаффом, – неохотно пообещал Сокол.

Неохота происходила от того, что вообще-то отчасти он лиса понимал – сам до женитьбы чудил только так.

– Но сманивать моего травника я ему всё равно не позволю! – подытожил Сокол свои размышления, прерванные Муринкиным рёвом.

Вызвать рыжего на разговор было несложно – тот после ужина вышел в коридор, чтобы размяться, а потом невольно обратил внимание на приоткрытую дверь кабинета хозяина гостиницы – и как можно было пройти мимо? А уж если любопытный нос сунулся в дверь, там и всего лиса ждите!

– А! Уважаемый Итаффин! – окликнул его хозяин гостиницы. – Входите!

– Да я просто мимо проходил... – притормозил было Итафф.

– Так не проходите мимо, проходите сюда! – усмехнулся Сокол. – Мы с вами совсем немного пообщались, а я бы хотел поподробнее побеседовать. Как вы себя чувствуете?

– На удивление неплохо! – признал Итафф, входя в кабинет. – Спасибо.

– Пожалуйста, – кивнул Сокол. – Вы, насколько я понимаю, давние друзья с Уртяном.

– Да, с детства.

– Это хорошо, когда есть такие друзья, – многозначительно изрёк Соколовский. – И одновременно плохо.

– И чем же плохо? – удивился Итафф.

– Терять таких друзей невыносимо больно. А уж когда эта потеря происходит по вашей вине, так её и вовсе сложно пережить.

Итафф резко поднял голову и уставился на человека за письменным столом.

– Тян не мог вам сказать...

– А он и не говорил.

– Тогда вы что... подслушивали?

– Я? Да за кого вы меня принимаете? Просто... это необычный дом. Те, кто сюда попадает и приживается, становятся дороги этому дому и его обитателям, таких тут защищают, только и всего.

Итаффин не очень понял, о чём речь, но тут же оскалился:

– Прознали про то, что я нашёл, и хотите себе кусок оттяпать?

– Зачем мне?

– А что? Вам не нужны деньги?

– То, что мне нужно, я и так заработаю, а вот вы ничего оттуда не возьмёте, только отдадите и свою жизнь, и жизнь Уртяна.

– Да вам-то откуда знать?

– Оттуда! Я знаю, кто живёт в той пещере, знаю, почему они позволяют забрать один слиток, знаю даже, что второй раз вы оттуда не выйдете!

– И как же вы можете это знать? Вы же там не были.

– Это называется опыт... и у меня его поболее, чем у вас! Кстати, вы тоже можете сообразить, кто там живёт, если пороетесь в своей памяти! Ну же, вспоминайте!

Соколовский одним махом поднялся из кресла, прошёл мимо Итаффа, вроде как дверь закрыть, чуть задел его плечо, а потом негромко велел:

– Вспоминай всё! Мельчайшие свои впечатления, запахи, звуки, мысленно вернись туда и говори вслух о том, что видишь, слышишь, обоняешь! – приказал он.

Итафф словно провалился сквозь время и пространство, оказавшись около той самой пещеры. Он отчётливо слышал, как похрустывают под лапами кости, как негромко журчит ручей в пещере, чуял запах тайги за спиной.

– Я шёл осторожно, крался, понимаете? – говорил Итафф, снова видя перед собой чёрный зев пещеры. – Вошёл внутрь, был готов тут же выскочить, если меня что-то встревожит.

– А почему ты так опасливо двигался? – спросил Филипп Иванович.

– Кости... они выглядели странно, как-то неправильно! А! Вспомнил! Они были слишком хрупкие – я же шёл лисом, весил немного, а под лапами они всё равно похрустывали.

– Может, были совсем старыми? – без особого любопытства поинтересовался Соколовский.

– Нет... какие-то были вполне свежие – я же по запаху могу отличить. И даже свежие были выбеленными, словно лежат там давным-давно, – удивлённо припоминал Итафф.

– Хорошо, дальше! Вот ты постоял при входе, а потом?

– Пошёл дальше, продвинулся не так уж и далеко, а потом заметил блеск в глубине пещеры.

– Куда дул ветер?

– Ветер?

– Да, есть такие пещерные ветры, – кивнул Сокол, сказав чистейшую правду – такие ветры действительно существуют и меняют своё направление в зависимости от сезона – летом они дуют из пещер, а зимой – наоборот.

Итафф призадумался, а потом пожал плечами:

– Он дул мне в морду, то есть из пещеры!

– И чем же он пах?

– Пах? – недоуменно переспросил лис.

– Да-да! Меня интересует именно запах. Понимаю, что ты к тому моменту уже заметил блеск золота, что, благодаря человеческой жизни, прекрасно понимал, что это такое и какие возможности даёт... Даже допускаю, что запах был очень слабым, но ты не мог его не чують!

– Было что-то... действительно слабое такое... – вспоминал лис.

– Ладно, давай по порядку. Вот ты вошёл в пещеру, дальше!

– Я подошёл к ручью, искал, где можно его удобнее перейти, пришлось шлёпать по воде, а потом я добрался до мешков, несколько ближайших к выходу были испорчены или разорваны, золото лежало вокруг в беспорядке, я обернулся в человека...

– Стоп! До этого ты ничего не почувствовал? Тебе в морду дул ветер, уже не отвлекал ручей...

– Погодите-ка... был какой-то слабый запах. Знакомый такой. А! Знаю! Змеи так пахнут, – произнёс Итаффин. – Не понял... Так там что, змеи живут?

– Там не просто змеи, а здоровенные чёрные полозы. Я имею в виду, здоровенные для человека! Их там издавна встречали местные. Легенд о таких полозах в тамошних местах хватало, – лениво рассказывал Соколовский. – Они отличаются двумя особенностями – умеют управлять водой и крайне не любят людей! На тебя – лиса, они, наверное, и охотиться не стали бы – мелковат. Разве что совсем голодные... А вот на тебя – человека, почему же нет?

– Но ведь на меня никто не охотился!

– Да что ты? Если бы тебя смыло водой вглубь пещеры, ты оттуда не выбрался бы уже никогда.

– Но почему они позволили уйти? Да ещё с золотом?

– Потому что ты всё равно вернёшься за ним, да ещё кого-то с собой приведёшь! Так делали и до тебя, и после будут делать. Им несложно подождать. Еды там хватает, а люди – это так, десерт.

Филипп сказал это так обыденно, что лиса невольно пробрала дрожь – он словно наяву увидел, как из тёмной воды разлившегося ручья выныривает чёрная змеиная голова и устремляется к нему.

– Бррр... – встряхнулся он. – Спасибо, что сказали! Я буду осторожнее...

– Осторожнее? А это как?

– Придумаю, как их отвлечь...

– Хорошо, давай, представляй! Вот приехал ты туда сейчас! Дальше...

Итафф, будучи под действием легчайшего морока, раз за разом проходил в пещеру, брал золото, а потом или был смыт неудержимым потоком воды, или выбирался из взбесившегося ручья, но только затем, чтобы услышать за спиной шорох и треск костей, которые крошились под тяжеленным, но неудержимо стремительным змеиным телом. Он вновь и вновь пытался бежать, но вода выплёскивалась за ним из пещеры, помогая хищникам, куда более опытным, чем он сам.

– Ну что? Выбрался? – полюбопытствовал Соколовский. – Нет? Это было ожидаемо. А теперь представь, что туда же идёт Уртян, который так и не дождался от тебя вестей...

Заведённое мороком воображение послушно показало Итаффу, как его лучший друг опасно крадётся к чёрному зеву пещеры, как входит внутрь. Нет, его не интересует маслянистый блеск золота – он тоскливо обнюхивает кости, осторожно всматриваясь в темноту...

– Тян, беги! Беги дурак! – надывается беззвучным криком Итаффин, но он не может дозваться до друга, который упорно идёт навстречу своей гибели, потому что пытается спасти его.

Вот чернобурый лис переходит ручей, обходит мешки, опасно двигаясь дальше, а потом резко прибывает вода, и чёрный мех исчезает в ней, безнадежно унесённый вглубь пещеры.

– Нет! – Итафф дышал так, словно был там реально, словно собственными глазами только что увидел гибель друга. – Не надо, не ходи, Тян! Глупый Тянка...

– Он не глупый, – ровным тоном отозвался Соколовский. – Он умный, но верный. И ты это знаешь. А теперь знаешь и то, что шансов у тебя нет, а значит, нет и у него!

Итаффу потребовалось некоторое время, чтобы осознать, что он не в пещере, что тут нет ни змей, ни золота, что он жив-здоров, что Тян не входил в тёмную воду себе на погибель...

Ещё какое-то время Итафф потратил на то, чтобы понять, что именно с ним произошло:

– Ты... вы что-то сделали со мной, да? Тян говорил, что вы не простой человек.

– Я? Я просто дал тебе самому, заметь, САМОМУ вспомнить свой предыдущий визит в ту пещеру. Остальное сделал ты сам.

Итафф хотел было рявкнуть, что ему не надо ничьё вмешательство, что он и сам знает, как быть и что делать, да много чего хотел, только вот человек за столом вовсе не смотрел на него, а тявкать просто так было как-то нелепо.

– Знаешь, легко рисковать, когда ты свободен от... от всего. Когда у тебя нет тех, кто умрёт от тоски, потому что ты глупо попался и погиб, гоняясь за пустотой. Когда нет тех, кто пойдёт тебя искать, понимая, что идёт на погибель, но всё равно пойдёт – иначе не сможет, – неохотно произнёс Соколовский – он вообще не любил такие разговоры, а сейчас так и вовсе всерьёз думал о том, что если этот лисий баран ничего не поймёт и всё-таки пойдёт за золотом, то лично ему проще сделать так, чтобы Уртян забыл о том, что он с кем-то там дружил!

Итафф, который с детства терпеть не мог любые нотации или попытки его образумить, внезапно понял, что этому человеку глубоко безразлично, что именно он выберет:

– Ему есть дело только до Тяна – это он для него делает! – сообразил Итафф.

Глупо же срываться и скандалить на того, кто спасает его лучшего друга, правда?

– Мне... мне очень нужно много денег! – наконец-то сказал Итаффф.

– Всем нужно, – спокойно отреагировал Филипп Иванович.

– Я... я вечно попадаюсь, а мама и сёстры... они без этих денег, если что, не справятся!

– А не проще ли им будет жить, зная, что ты жив-здоров, что помогаешь им, а не страдать из-за денег, ради которых ты погиб? Тем более что, как мы уже выяснили, ты это золото всё равно не получишь! То есть твоя семья окажется и без тебя, и без средств, и без поддержки.

– Погодите... но вы же человек! – внезапно встрепенулся Итаффин.

– Безусловно, – согласился Соколовский.

– А может... может, вы со мной поедете? Змея своего возьмёте – он тех чёрных мигом разгонит!

– Да мне-то это зачем?

– Как зачем?

– Видишь ли, я своей жизнью просто так не рискую.

– Но... – хитрец торопливо искал повод для того, чтобы убедить этого типа принять участие в экспедиции. Да, золото придётся разделить, конечно, но лучше уж так! И тут он сообразил:

– Неужели же, раз вы человек, вам не жаль тех, кто погибает от змей?

– Вообще-то, – усмехнулся Соколовский, – змеи в своём праве.

Видимо, у Итаффа был такой поражённый вид, что Филипп счёл нужным пояснить:

– На ИХ территорию впёрлись люди и приволокли свой несъедобный мусор. Людей было много, и они были вкусные. Ещё какие-то люди продолжают лезть на их территории. И пытаются спереть уже ИХ мусор... Людей много, и они опять были вкусные. В чём же неправы змеи? Если кто-то лезет в берлогу мишки – сам виноват, ибо нефиг. А полозы чем хуже? Там же, можно сказать, заградительная полоса из костей и черепов навалена, считайте прямо знак, просто-таки заградительный частокол: «Осторожно, съедят». Если кто-то не понимает таких намёков – что тут можно ещё сделать?

– Но змеи же опасны!

– Само собой, опасны, но я же не могу обложить всё человечество ваткой, чтобы оно не лезло в смертельные ловушки.

– Да ведь вам самому и делать-то ничего не надо будет – пошлёте вашего этого... как там его...

– Ты про Сшайра? А с чего бы мне попусту рисковать Сшайром? – удивился Соколовский. – Кроме того, для него подобное задание будет последним – он не водный змей, абсолютный чужак в тех местах, да и численный перевес будет не в его пользу. А я не посылаю на смерть тех, кто мне служит.

Итафф ещё что-то пытался сказать, но Соколовский поднялся на ноги, давая понять, что разговор закончен:

– Если тебе нужны деньги, я могу предложить работу у меня – скучать точно не будешь, да и заработаешь прилично. А если тебе обязательно нужно потерять свою жизнь – смотри не продешеви. Другой уже не купить. О моём предложении можешь подумать два дня.

Итафф и возразить не успел, как обнаружил, что стоит в коридоре, глядя в закрытую дверь кабинета – его никто не уговаривал, не давал возможности гордо отказаться, не... короче, взяли и выставили как... как щенка какого-то!

Он ожидаемо оскорбился, гордо отправился в свою комнату, где неожиданно и очень крепко уснул:

– Готов, – отчитался Терентий, вернувшись на кухню.

– Ну, а теперь моя очередь, – зевнула Басина. – Думаю, у него будет очень весёлая и затейливая ночь!

Итафф с этим бы поспорил – такие кошмары ему не снились ещё никогда в жизни – змеи, золото, тайга, погибающий Тянь, которого он никак не может спасти, потому что... его самого уже нет, всё это сплелось в такой тугой, душный и безнадёжный комок, что лис визжал во сне от ужаса.

– Пусть лучше сейчас, чем в зубах у полоза, – разумно размышляла Басина, степенно вылизывая хвост рядом с верещащим лисом, который перебирал лапами, силясь спастись от кошмара. – Смешной и глупый лисёнок! – подытожила она. – От змеи можно убежать, от медведя, от волка. Даже от человека можно. А от меня – нет!

Глава 12. Третья ночь

Утром Итафф проснулся, с радостью обнаружив, что вокруг нет никаких пещер с ручьями или без них, ничего не поблёскивает масляным манким блеском, а главное – рядом нет никаких змей!

Впрочем, выяснилось, что с последним он слегка погорячился – стоило только выйти из своего номера, как ему пришлось приложить все усилия, чтобы сломя голову не ринуться обратно – мимо плавно двигался змеевич в полуобороте и со здоровенной охапкой книг.

Он кивнул постояльцу, но, к счастью для последнего, задерживаться для разговоров не стал – что ему какие-то лисы, если его ожидают истинные сокровища, хранящиеся в библиотеке его учителя!

– Ну и кошмары снились! – думал Итафф. – Это мне что, их этот Соколовский внушил? Да вроде не мог... Хотя все они, конечно, ровно на одну тему. Ладно, разберёмся.

Он как можно равнодушнее спросил у Татьяны, которая осматривала его спину, когда вчера уехал Филипп, был готов получить ответ: «Он тут был всю ночь», но услышал:

– Да вот с вами поговорил и уехал. Вот тут болит? А тут?

– Нигде не болит, – буркнул Итафф, а потом спохватился: – Спасибо большое! Но мы вроде были на «ты».

Спорить Татьяна не стала, но и на разговоры с лисом у неё уже не было времени – торопилась на работу.

А потом пришёл Уртян, который пригласил друга к себе в гости – на завтрак.

Тяновская нора Итаффа приятно удивила, а жена друга привела в восторг!

– Да как же ты такую красавицу-то отхватил? – спросил он у друга, когда Аури отлучилась.

– Сам удивляюсь! – честно ответил Тян. – Причём она же меня первый раз увидела страшным, облезлым, в шрамах! Бабуля тогда сильно постаралась!

– Верю! Я твою бабулю, если честно, всё детство боялся, да и сейчас опасаясь, – рассмеялся Итафф.

Он рассказывал о своих приключениях, стараясь не обращать внимания на странное поведение выющихся растений, украшающих стены норы – они как-то слишком активно шевелились.

– Ого! Круто тебя носило! Хотя и у меня кое-что интересное было.

Уртян только-только хотел рассказать о даре, который получил от Тани, но тут из угла комнаты появилась очень хмурая Муринка и сказала:

– Тебя зовёт Карина – надо отвар процедить и долить какой-то ошобой водой!

Уртян слегка удивился, но извинился перед другом и отправился в лабораторию, где Карина почему-то очень настаивала на том, чтобы обычный отвар ромашки процеживал именно он.

Когда Тян вернулся и хотел продолжить рассказ, то их с Итаффом позвала за стол Аури, а после еды на упорного рассказчика по непонятной причине упала крепко прибитая полочка...

Пока Уртян пытался понять, что происходит и кто это всё творит, если его заботливая норушина мелочь сидит вот тут, рядышком, решительная Муринка прикидывала, что бы ещё можно было уронить на болтуна, который вот-вот ляпнет о своём даре мгновенного исцеления:

– Тогда тот авантюришт точно-точно утянет моего лиша в штранштвия! – она преотлично запомнила то, что говорили вчера на Таниной кухне, вот сегодня и затыкала Уртяну пасть. – Мурашик очень хорошо мне помогает – кидает вшё точно по плану!

Делал норушонок это «всё по плану» настолько успешно, что бедолага Тянь вообще забыл, о чём шла речь – слишком уж много чего валилось то на его многострадальную макушку, то на его лапы...

Итафф два раза успевал выдернуть приятеля из-под падежа мелких и не очень предметов, а потом, глядя как Тянь потирает слегка ушибленную голову, принял окончательное решение:

– Не потащу я его туда... Если правда то, что сказал мне тот тип – Соколовский, то для неуклюжего Тяньки это жуткий риск.

Верный своему решению, Итафф начал наводить тень на плетень, рассказывая о том, что со вчерашнего дня обдумывает поездку на Дальний Восток:

– Говорят, там на берег чего только море не выносит, и крабов можно добыть, и устриц! Слетаю туда и посмотрю, можно ли заработать.

– А в ту пещеру...

– Знаешь, я тут поговорил с этим твоим начальством и решил, что, наверное, не стоит туда соваться, – вещал Итафф, и... конечно же врал!

– Как сивый-пресивый мерин! – вздохнула Басина, заглядывая в сны рыжего лисьего упорца. – Это он нашему Уртяну просто наврал, чтобы тот за ним не сорвался, если что.

– А сам всё равно поедет? – ворчливо спросила Шушана.

– Да, собирается!

– Но мы же этого не оставим, да? – прищурилась норушь.

– Конечно нет! Для меня это уже вопрос принципиальный! – усмехнулась Басина. – Сейчас ему будет ещё веселее, чем вчера!

К счастью, норушный дом весьма ответственно подходил к звукоизоляции, потому что визг перепуганного Итаффа, за которым во сне охотились все змеи Урала и Зауралья, почему-то разом выросшие до размеров упитанного бревна, был никому не слышен!

Утром Итафф выбрался из номера чуть ли не по стеночке, разумеется, опять наткнулся на Шайра, прикрыл глаза, переживая кошмарные воспоминания, а потом отправился на улицу – надо было что-то из вещей прикупить.

Он старательно упрятал в глубину чемоданного нутра предметы, которые понадобятся для его поездки за золотом, а вечером уже с некоторым ужасом поджидал тот момент, когда ему захочется спать.

– Упорный какой, а... – пофыркивала Басина. – Ладно, третья ночь всегда самая-самая – закон такой!

Сочетание дичайших кошмаров и полной невозможности проснуться давало интересные результаты – Итафф сполз во сне с кровати, скрёб лапами по полу, силясь убежать от накатывающего на него ужаса, вопил, визжал, катался, отбиваясь от змей, причём всё это было так ярко, так невыносимо реально, что утром он даже не сразу осмелился выйти из номера – казалось, что существа из его сна приползли в реальность и поджидают его под дверью.

– И к чему бы это? – спросил он сам у себя. – У меня такого в жизни не было! И это всё при том, что начальника Тяньки в гостинице нет – я слышал, что он вообще не в Москве. А это значит что? Это значит, что я сам такое вижу. А почему?

Итафф был лисом не только авантюрным, но и очень упорным... Правда, он ещё верил в свою интуицию и, поразмыслив, решил, что это именно она, его интуиция, подаёт ему такие сигналы.

– Слышь, а можно как-то потише сигналить? – укоризненно намекнул он интуиции. – Я ж чуть не опозорился сегодня ночью... прям как маленький лисёныш!

Интуиция оскорблённо молчала, поражённая возводимой на неё напраслиной, но решение Итафф уже принял:

– Раз такое дело, надо менять планы! А то так сожрут эти хвостатые, и поминай как звали! Эхх, жалко-то как! Там же столько золота!

При мысли о золоте воспоминания о прошлой ночи так ярко встали у него перед глазами, что Итаффа затошнило от ужаса.

– Фррр, нет уж! Я уж лучше где-то ещё что-нибудь поищу! – уговаривал он себя. – Помнится, слышал я краем уха о старом алмазном прииске...

Уртян, услышав рассказы Тафа о Дальнем Востоке, если честно, им не поверил – друга он знал прекрасно, так что и враньё его различал запросто. А вот сейчас его чуткий слух не уловил ни единой фальшивой ноты:

– Я точно решил – в пещеры ни лапой! Интуиция у меня прямо верещит, что там беда! – признался Итафф. – Не поеду!

– А может... всё-таки к Соколу устроишься? – с надеждой спросил Тян.

– Нет, прости, это не для меня! Да и он такой... не забалуешь. Короче, я – пас! – твёрдо решил Итафф, собираясь в дорогу.

– Так куда ты теперь?

– Сначала к своим заеду – денег оставлю, ты же знаешь, у меня мама по старинке живёт, карты и переводы не любит. А потом... махну куда-нибудь! Но точно не в пещеру – клянусь!

Он дождался приезда Соколовского, шепетильно расплатился за все услуги, оказанные ему в гостинице, церемонно распрощался с Филиппом Ивановичем, с Татьяной, а вот с Уртяном попрощаться не вышло:

– Ты машину где оставил? В Подмоскovie? Давай я тебя туда отвезу!

– А давай! – обрадовался Итафф, который как-то тоскливо себя почувствовал, расставаясь с Тянкой.

Они уже загружали вещи Итаффина в машину Уртяна, когда Соколовскому пришло в голову, что надо бы проконтролировать отъезд этого непростого гостя:

– Крамеш, проследи! Послушай, что они говорить будут, – велел он, вызвав ворона.

– Понял, всё сделаю! – совсем нетрудно было следовать за знакомой машиной, так что Крамеш даже заскучать успел, выполняя такое простое задание, правда, скука эта исчезла мгновенно, стоило только Бескрайнову увидеть, как Уртяна и Итаффа, подошедших к машине рыжего, окружают какие-то весьма серьёзно настроенные люди.

– Ты откуда золото взял, а, рыжик? – почти нежно спросил главарь этой компании. – Да-да, то самое, которое толкнул в Ёбурге?

Крамешу пришлось напрячься, чтобы сообразить, что речь о Екатеринбурге, впрочем, это было неважно – куда важнее было сообразить, может ли он сейчас вмешаться – место было довольно людное, бандиты плотно окружили Тяна и Итаффа, причём со стороны это казалось дружеской беседой – поди заметь тот ножичек, который упирается в спину Итаффу.

Конечно же, он начал отпираться, утверждать, что никакого золота и в глаза не видел, и даже неслабый укол ножа его не переубедил, зато тот же нож, приставленный к левому боку Уртяна, быстро сломил сопротивление.

Главарь сделал верные выводы:

– Проверь, у этого паспорт с собой? – приказал он одному из своих подручных, а получив положительный ответ, насмешливо сообщил: – Поедете с нами – оба! А точнее, полетите!

Крамеш был уверен, что ему удастся как-то перехватить и выручить лисов по дороге в аэропорт, и потом... как можно заставить пленников молчать – стоит им только подать какой-то знак, как их освободят, но...

– Но главарь оказался куда умнее, чем я думал, – торопливо докладывал он Соколовскому по телефону: – Он их просто рразделил! Сказал, что, если один из них тррепыхнётся, вторрому не жить! Итафф полетел перрвым ррейсом с трремя моррдоворрртами, а Уртян полетит, когда те отзвонятся, что приземлились и выехали из горрода!

– Понял. Куда летят? – уточнил Сокол, а получив ответ, приказал: – Хорошо! Покупай билет на тот же рейс, каким повезут Уртыана, следи за ними. Как только сможешь, принимай людской вид и звони мне!

Крамеш исполнительно купил билет, устроившись как можно дальше от Уртыана и его сопровождающих, и весь полёт пытался сообразить, как бы вытянуть обоих лисов, желательно без фатальной порчи их шкур.

– Уртыану-то это не сильно страшно, у него же дарр, хотя, конечно, и ему может быть опасно, а вот второму вообще сильно не повезёт, когда он доведёт отряд до пещерры. Вряд ли его планируют оставить в живых.

Конечно, он был прав – люди, которым скупщик сообщил о том, что ему принесли слиток золота, причём в прекрасном состоянии и со старой печатью купцов Строгановых, вовсе не собирались оставлять лишних свидетелей...

Уртыан это тоже понимал, так что отчаянно хотел выбраться из этой переделки, но как?

– Сейчас... вот сейчас я могу закричать, позвать полицию, мне даже ничего не будет – пусть ранят, это не страшно – всё сразу и заживёт, но Тафу тогда придётся худо! Ладно, подожду пока. Они же не знают, кто мы на самом-то деле... может, удастся в тайге в истинном виде смыться?

Примерно те же размышления были и у Итаффа, правда, к ним прибавлялось ещё и почти невыносимое чувство вины перед Уртыаном:

– И всё-таки я его втянул в беду! Если выберемся... никогда больше не приеду к нему – я приношу одни несчастья тем, кто рядом! Только бы выбраться обоим...

Когда первая группа вышла из аэропорта, загрузилась в машину и отъехала подальше от людных мест, Итаффа скрутили и бросили на пол автомобиля.

– Командуй остальным, пусть вылетают! И пусть напомнят тому черноволосому, как там его?

– Юрий, – подсказал один их подручных.

– Вот, пусть напомнят этому Юрцу, что мы сделаем с его приятелем, если он хоть рыпнется!

К вечеру обе группы объединились и выдвинулись в тайгу.

– Рыжик... ты ж учти, что в тайге мы тебя из-под земли выроем, если только попробуешь финтить. Понял? А что будет с твоим приятелем... Короче, спокойно ведёшь нас к золоту, а там посмотрим! – командовал главарь, криво усмехнувшись.

Никто не заметил чёрного ворона, летевшего за машинами, а потом и вовсе усевшегося на автобагажник, прикрученный на крыше одной из них, зато он прекрасно отслеживал перемещения машин, а потом, обогнав их и приземлившись в стороне от дороги, обернулся человеком и позвонил Соколовскому:

– Едут в направлении пещерры. Итафф почти не стал упрямиться – как только ему показали нож у горла Тяна, он сразу сказал, где она находится, – Крамеш продиктовал подслушанное, а потом продолжил: – Но их обоих, разумеется, везут с собой.

– Молодец, давай за ними! – командовал Соколовский, в кабинете которого беззвучно рыдала Аури, припав к Таниному плечу.

– Он... он жив? – всхлипнув спросила она.

– Жив, конечно, что ему сделается? – небрежно отмахнулся Сокол. – Не разводите у меня сырость, я же потом Геннадия отсюда не выселю!

Соколовский ещё какое-то время поговорил с Аури, аккуратно отряхнув её чем-то испачканный рукав, а когда она бессильно повисла на руках у Тани, вызвал Врана и велел отнести Аури к ним в квартиру.

– Мне лететь с вами? – Вран хмуро наблюдал, как собирается Филипп, рассовывая по карманам какие-то пузырьки.

– Нет. Ты за мной не успеешь, да и необходимости нет. Татьяна, не вздумайте заплакать! Вы же помните про Геннадия и сырость? – усмехнулся он. – Не волнуйтесь, я вам позвоню, когда что-то узнаю.

Глава 13. Дорога поневоле

Итаффин оказался в одной машине, а Уртына везли в другой – главарь не хотел рисковать, пока они не доберутся до пещеры, так что рыжему оставалось только проклинать тот миг, когда он взял то золото!

– Нет! Даже не его проклинать, а себя! Это я виноват! Это я, я приношу одни несчастья тем, кто рядом! – думал он. – Только бы нам обоим выбраться... Если не получится обоим, то хоть бы Тяну удалось убежать! Мама... ей придётся тяжело без меня! – он опустил голову, чтобы не видеть морды людей, которые сидели справа и слева от него.

Итафф не питал никаких иллюзий – как только эти люди найдут пещеру, он станет им не нужен... Но Тян – может, у него будет шанс ускользнуть!

– Эй, ты! Игнат! Уснул что ль? – хохотнул главарь, – Пните там его!

Болезненный тычок под рёбра заставил Итаффина зашипеть.

– А! Не спишь! Просто укачало? Слабоват ты, рыжий, оказался! Так что там в пещере? Далеко до золота?

– Не очень. Но... но вы там не пройдёте!

– С чего бы это?

– Там... там костей навалено просто груды! – негромко сообщил Итаффин, решив любой ценой выторговать себе и Тяну хоть немного жизни.

– Напугал костями, – усмехнулся главарь. – Мало ли кто там на олешек да лосей охотится...

– Это людские кости! – выдохнул Итафф. – И их там груды.

Тут уж бандиты насторожились.

– Людские? В смысле человеческие? – переспросили у него.

– Да.

– Врёшь!

– Да что мне врать-то? Вы же сами всё скоро увидите!

– Тоже верно! – главарь прищурился и покосился на водителя машины. – Ты ж местный, что-нибудь слыхал про эту пещеру?

– Нет, ничего. Она далековато от моей деревни. Но в тайге много всякого бывает... – мрачно ответил тот, а потом обратился к Итаффу, уставившись на него в зеркале заднего вида. – А ты сам там кроме костей ничего странного не видел?

– Да что вы у него спрашиваете? – буркнул сидящий справа от Итаффа тип. – У нас есть место, где полно золота и мне плевать, какие там кости!

– Тоже верно! – согласились остальные.

Вскоре дорога стала непроходимой для машин, и главарь выволок Итаффа и погнал его вперёд, приказав подручным во все глаза следить за вторым пленником.

В лесу темнеет быстро, городские жители невольно стали озираться и ёжиться, даже водитель, хоть и вырос в здешних местах, чувствовал себя не в своей тарелке, что не осталось незамеченным для главаря:

– Долго ещё идти? – он дёрнул за наручники, сковывающие руки рыжего пленника.

– Если идти всю ночь, то к полудню будем, – ответил Итафф, настораживая уши и прислушиваясь к дыханию Уртына – друга тащили позади, и, судя по всему, он был цел, не ранен и даже не помят.

– Так, понятно. Тогда привал! Ночью только шею свернуть можно в этой глуши.

Если Итафф и понадеялся, что им как-то удастся улизнуть, то пришлось оставить эту надежду – главарь не дал ему ни малейшей возможности смыться.

– Если бы я был один, то я бы мог сделать вид, что споткнулся, упасть в темноте, принять истинный вид, наручники свалились бы сами, а в темноте я бы успел смыться, но Тянь... Его я бросить никак не могу!

Он знал, что подобные мысли крутятся и в голове Уртына, и что он точно так же ничего не будет предпринимать, чтобы не подставить друга.

– Если бы нам хоть немного поговорить! Можно было бы вместе, одним махом, обернуться и бежать... – мечтал Итафф, но, к сожалению, никакой возможности это сделать им не дали, разместив как можно дальше друг от друга.

Почти всю ночь Итафф пытался сообразить, как бы им вывернуться из этой беды, вспоминая каждый камень и каждое дерево в окрестностях пещеры, – всё, что могло бы хоть как-то помочь, а утром продолжил вести бандитов к пещере, старательно отгоняя от себя мысль, что, возможно, это его последнее утро...

Почему-то, когда он рисковал раньше, ему не приходили в голову подобные мысли. Наверное потому, что он всегда действовал нахрапом, быстрым лисьим прыжком, а вот сейчас, скованный, связанный присутствием друга, он ощутил всю сложность их положения, всю тяжесть расплаты за свой риск.

Где-то в хвосте небольшого отряда запнулся Уртян, его ударили так, что он полетел на землю, покатился, сминая молоденькие ёлочки, и Итафф внезапно всей душой захотел, чтобы друг обернулся, стал лисом, бежал со всех лап прочь, но нет, Тянь тяжело поднимался на ноги.

– Глупый, глупый Тянка! – думал Итафф, – Зачем я это затеял? Зачем так подставил его?

– Иди давай! Не оборачивайся, а то он волоком будет за нами ехать! Мордой вниз! – подтолкнул его главарь. – Долго ещё?

– Нет, уже недолго, – сквозь зубы ответил Итафф.

Он вывел отряд точно туда, куда и собирался – к входу в пещеру, чёрной пастью раскрытому в серой скале.

– Вот та пещера, – угрюмо кивнул он, покосившись на алые полосы заката – не зря он затеял обход длиннющего оврага, хотя знал, как его пройти гораздо быстрее – так он смог растянуть время их пути до вечера.

– И чего делать будем? – поинтересовались сразу несколько человек. – Пойдём сейчас?

– Нет! Глупо лезть в пещеру ночью, – главарь не зря дожид до своего возраста – опасность он чувал прямо-таки шкурой. – Утром пойдём внутрь!

– А этих куда? В расход? – ухмыльнулся один из его подручных, кивнув на рыжего и черноволосого пленников.

– А куда ты так торопишься? – неприятно осклабился главарь. – Может, он нас обманул и привёл не к той пещере! Знаешь поговорку – утро вечера мудренее? Вот и не спеши!

– Может, хоть заглянем... одним глазком! – засуетился самый младший.

– Ну, сходи! – разрешил главарь, недорого ценивший этого человека – таким и рискнуть можно без проблем.

Тот отправился к пещере, подсвечивая себе фонариком, но когда под ногами хрустнуло, и он увидел белевшие в темноте кости, то торопливо отступил, а потом и вовсе побежал обратно к костру, который разожгли его спутники.

– Слышь, там это... черепа... человеческие! И костей полно! – выдохнул он, домчавшись до костра и разом ощутив себя в безопасности.

– Думаешь, они тебя укусят? – расхохотался главарь. – Нет, эти уже никому неопасны!

– Но откуда их так много?

– Небось, это те, кто везли и охраняли золотишко, – равнодушно ответил главарь.

– Но почему всё это лежит там? – невольно забеспокоился водитель. – Вообще-то тут тайга, зверьё должно было все растянуть. Чего-то тут не так...

– Ой, слышь, не каркай ты! – прикрикнул на него главарь. – Утром первый пойдёшь и посмотришь, что и как.

Когда небо посветлело, бандиты уже собирались идти к входу в пещеру:

– Где золото? – спросил у Итаффа главарь.

– Слева у входа. Надо пересечь ручей, и вы всё сами увидите.

– Ясно. Пошли, посмотрим, что там и как!

Итафф надеялся, что их оставят в лесу, пусть связанных, пусть с охраной, но главарь решил иначе, погнав их с Тяном вперёд. Под ногами похрустывали белые кости, бандиты начали нервничать.

– Тян, – почти беззвучно сказал Итафф, – как только мы перейдём ручей, и они увидят золото, отходи правее. Там есть несколько крупных камней, за ними мы можем принять свой облик и попытаться сбежать, пока не начала прибывать вода.

– Понял.

Они прошлёпали по мелкому ручейку, и тут же послышались возгласы бандитов:

– Золото! Смотрите, золото!

Оба пленника посторонились, и бандиты ринулись мимо них, кидаясь на разодранные мешки, хватая тяжёлые слитки.

– Направо, быстро! – Итафф подтолкнул Уртына плечом, и они оба рванули за камни.

– Стоять! – заорал главарь, заметив краем глаза сбегающих пленников. – Кууда?

Он кинулся было за ними, держа в каждой руке по слитку золота, и тут вода в ручье начала стремительно прибывать.

– Чтoб ему! – фыркнул рыжий лис, освободившийся от наручников. – Включили воду раньше времени! В этом виде не переплывём, сейчас просто поток пойдёт! Возвращаемся в людской вид!

Чернобурый молча кивнул, падая на последний более-менее сухой кусок камня около чёрной скалы, за которой они прятались.

– Ну, на счёт три... раз, два, три! – скомандовал Итафф, вылетая из-за скалы и с ходу попадая в ревущий поток. – Тян, гребь! Гребь изо всех сил!

Бандиты, впавшие в эйфорию от золота, ничего не поняли – только что мелкий ручей внезапно превратился в подобие сумасшедшего горного потока, который начал подбираться к островку, где были свалены мешки с золотом.

Главарь, который обладал потрясающе хорошей реакцией, взлетел на гору мешков, подхватил брошенное подручными оружие и, понимая уже, что тут что-то сильно не так, прицелился и выстрелил в пару парней, которые каким-то непостижимым образом избавились от наручников, переплыли поток и теперь выбирались на другой его стороне. Целился он в рыжеволосого, решив, что прикончит его первым.

В последний момент, когда он уже ожидал, что рыжий Игнат кулём свалится на камни, черноволосый тип обернулся и неожиданно стремительно рванулся вбок, закрыв собой спину цели.

– Тян! – взвыл Итафф, на которого с силой налетел друг, сбивая с ног. – Тян, ты что? Тянка, нет!

Он уже видел, что шансов у Уртына нет, рана... с такой не выживают.

Главарь зло сплюнул, передёрнул затвор, прицелился ещё раз, и тут у подстреленного шевельнулись руки, и рыжий... исчез.

– Не понял... это как? – главарь мотнул головой, не понимая, что происходит, но сзади завывали его подручные, он обернулся и уставился на чёрного змея невероятных размеров, который вынырнул из бурлящей воды.

Пуля, предназначавшаяся рыжему, полетела в голову змеюки, на что тот дёрнулся, но как-то не очень впечатлился.

– Помповое! Дайте мне помповое! – заорал главарь, подхватывая убойную штуку, пробивающую стену.

Конечно, ему было не до того, чтобы проследить, как бессильно лежащий на камнях черноволосый Юрий начал двигаться. Но не сам, но как-то странно, словно его кто-то тащил за плечи, а потом и вовсе подхватил на руки и понёс прочь. Зрелище плывущего над камнями, а потом и над белыми костями тела кого угодно могло бы поразить, проблема только в том, что вероятные зрители были слишком уж заняты, чтобы обратить на это внимание!

Иллюзия пустого места, последним усилием наброшенная Уртяном на друга, развеялась, стоило рыжему выскочить из проклятой пещеры и уволочь тело Тяна в заросли рядом.

– Тян... Нет! Как же так! Тянка! – Итафф давился слезами, которых у него почти никогда в жизни и не бывало – он даже в раннем детстве крайне редко плакал.

– Не называй меня Тянка! – с трудом выговорил Уртян, наслаждаясь абсолютно потрясённой физиономией Итаффа. – Помоги... помоги расстегнуть одежду.

Рывок, и рубашка оказалась разодрана на груди, а Таф уставился на то, чего быть не могло – на его глазах из смертельной раны поднималась пуля, вытесняемая заживающими тканями, мертвенно бледный Тян порозовел, задышал ровнее, хотя ему явно было больно.

– Не смотри так... у меня дар – мгновенное исцеление, – выговорил он с трудом. – Больно только каждый раз, но это можно пережить... погоди! Сейчас ещё минутка-две, и я уже смогу убраться от этого места!

Итаффин, не веря своим глазам, смотрел, как Уртян с трудом, но поднимается с земли и медленно делает первый шаг, уходя прочь от беды, которая едва не поглотила их обоих.

Крамеш следовал за отрядом, по солнцу старательно следя за временем – они с Соколовским договорились о сеансах связи каждые два часа, впрочем, много этих сеансов не потребовалось – Сокол мог развивать скорость пикирующего сапсана, то есть порядка трёхсот двадцати километров в час, так что долетел он довольно быстро.

Увидев высоко над деревьями знакомую птицу, описывающую широкие круги, Крамеш поднялся, каркнул, привлекая внимание, и уже скоро они оба опустились на ветку дерева неподалёку от места привала группы.

– Их двенадцать человек, не считая наших, – докладывал Крамеш. – Ведут их грамотно – разделив так, чтобы попытка бежать одного заканчивалась гибелью другого. Все вооружены! – тут он подробно описал все виды оружия, которое было у бандитов.

А описывая, пытался понять, что же может с ними сделать Соколовский.

– Один на один он уложит любого, ничуть не напрягаясь. Да в принципе, он может всю эту группу без затруднений штабелем сложить, но... Но они с оружием. Огнестрела много, и типы эти, судя по всему, прекрасно умеют им пользоваться! И что делать? Заморозить? Но мне нужен контакт зрительный, а ему – телесный, пусть даже легчайший. И опять же, с этой толпой мы ничего сделать не можем. Они тайгу боятся, держатся вместе, далеко не отходят, то есть по одному их заполучить не удастся.

– Крамеш, почему у тебя такой озадаченный вид? – уточнил Филипп.

– Я просто не знаю, что мы будем делать?

– Как что? Ждать, конечно! Ввязываться в драку мы сейчас не можем.

– А Уртяна не прикончат?

– У него Танин дар, так что, если даже будет какая-то критическая ситуация, это его спасёт. Главное, чтобы он не попался змеям. Но даже если его загонят в пещеру, и там нападут полозы, я смогу его оттуда вынести, но... его одного. Вряд ли он мне за это спасибо скажет, так что это крайний случай!

– А Итаффина вы спасти не будете?

– Я что, по-твоему, МЧС? – язвительно уточнил Сокол.

– Нет... но кто вы тогда? – Крамеш понимал, что лучше бы промолчать, но не смог – вопрос вылетел раньше, чем он сумел закрыть клюв.

– Кто я? – усмехнулся Филип. – А я, Володя, последний шанс!

– То есть Итаффа мы не спасем?

– Мы? Я уверен, что это сделает Уртян. Он в долгу перед другом – тот его когда-то прикрыл, так что я полагаю, что он из шкуры вылезет, но Итаффа выручит.

– А остальные? И что делать с пещерой?

– Крамеш, я что, похож на дурака? С какого перепугу я должен переживать за толпу мужиков, бандитов, вооружённых до зубов, которые прутся за золотом, похитив моего травника и его друга и угрожая им? Да ещё без сожалений пристрелят нас, в каком бы мы виде перед ними не появились! Лихие люди, Бескрайнов, не нуждаются в моём присмотре и помощи!

– А пещера?

– А что пещера?

– Она опасна – вот, сколько костей... – Крамешу хотелось точно понять положение вещей, вот он и приставал с вопросами. А кроме того, ему, что уж там... было попросту жутковато.

– Предлагаешь всех волков и медведей в лесах уничтожить, чтобы людям уж совсем безопасно было? – иронично предположил Филипп, глядя в тёмное небо. – А ещё все овраги зарыть и горы утрамбовать, чтобы никто шею себе на них не сломал? Эта пещера далеко от деревень, случайно туда заходят редко, а кто заходит, должен увидеть кости и сделать выводы. Кто не сделал – действует на свой страх и риск. На свой, Крамеш! Так что не трать время на заботу о тех, кому это не нужно!

Он и вовсе не стал бы разговаривать с Бескрайновым, но видел, что тому сильно не по себе, потому и отвечал.

Было и ещё кое-что... да, не мог он сейчас вытащить тех двух, как бы ему ни хотелось... Не мог, но даже если бы были у него такие силы, то, пожалуй, подождал бы:

– Для рыжего авантюриста это – спасение! Ему и нужно было вот так прочувствовать на своей шкуре, а главное, на шкуре Уртяна, каково это – рисковать тем, кого любишь. Не в этот раз, так в следующий он бы непременно вляпался по самые острые уши, и друг всё равно отправился бы его искать и выручать. Пусть уж сейчас распробует всю эту кашу, которую сам заварил!

Глава 14. Потому, что я так хочу!

Сокол прекрасно видел, как вошли в темноту пещеры Уртян и Итаффин, как втянулся за ними весь отряд бандитов, он подлетел к пещере, готовый, если что, выхватить оттуда своего травника, но, к счастью, этого не потребовалось – как Филипп и предполагал, Тян спас Итаффина, прикрыв собой.

В пещере ревела вода, слышались крики людей, но Сокол даже не оглянулся.

– Крамеш, давай! – скомандовал он, поднимаясь вверх.

Чёрный ворон устремился к Уртяну и Итаффину, заложил перед ними резкий вираж:

– Поторропитесь! Скорее!

– Крамеш! Ты? – обрадовался Уртян. – Откуда ты тут?

– Потом поговорим! А сейчас бегом за мной! – крикнул Крамеш, изо всех сил напрягая слух. – Не принимайте истинный вид, так вас будет труднее разом проглотить, и держитесь рядом!

– Уртян только что был при смерти! – возмутился Итаффин. – Какой там «бегом»! И куда ты нас ведёшь? Нам бы в лес, а не на гору! И почему нельзя лисами? От людей нам легче в истинном виде прятаться!

– Дуррень! Людям и так сейчас не до вас! А вот змеям – да! В том лесочке, куда ты так рвёшься, полно скрытых змеиных лазов! Бегом, и не отвлекай меня! – Крамеш летел небыстро, так, чтобы эти двое успевали за ним.

Услышав сверху предупреждающий крик Сокола, он резко свернул в сторону, скомандовав:

– Направо! Быстрее!

Уртян и Итаффин свернули, и тут же поняли, что этот совет спас им жизни – слева из глубокой расщелины показалась чёрная здоровенная змея, кинувшаяся к ним.

Крамеш чуть задержал полоза, заметавшись перед его носом, но тот упорно преследовал слишком шуструю и ушлую еду, правда, не очень долго – пока на него с неба не упала крупная птица, ловко цапнувшая левой лапой шею у основания головы, а правой – тело.

Взмах крыльями – и змея, попытавшаяся сбить нападавшего хвостом, скрутить его чёрными кольцами, оказалась поднята в небо.

Сокол с силой запустил когти левой лапы как можно глубже, а когда полоз обмяк, разжал лапы.

– Да скорее же вы! – рявкнул Крамеш на поражённых беглецов. – Вам надо вон по тому карнизу пройти, а потом уже спускаться в лес – там нет змеиных ходов, и им придётся вас преследовать открыто!

– Ещё преследовать? – изумился Итаффин.

– А ты что думал? Они так просто вас отпустят? Да бегите же вы, дуррни! Ещё лезут! – заорал Крамеш, услышав очередной крик хищной птицы.

– А кто это? И почему он нам помогает? – пропыхтел Итаффин, помогая другу перебраться на скальный карниз.

– Это? Это же Сокол!

– Да я уж вижу, что не голубь...

– Ты не понял – это Соколовский! Осторожно! – Уртян придержал подпрыгнувшего от изумления на месте Тафа. – Быстрее!

– Ничего себе! – сквозь зубы выдохнул поражённый до глубины души Итаффин.

– Хоть бы Сокол справился! – выдохнул Уртян, глядя на то, как птица пикирует на следящего змея, сбивая его с карниза.

Они благополучно спустились с невысокого каменистого склона и с облегчением нырнули в лес.

Крамеш не давал им передохнуть, уводя как можно дальше от пещеры, а когда оба – и Уртян, и Итаффин – окончательно выдохлись, к ним спустился Сокол, ударился об землю и поднялся, отряхивая рыжие сосновые иголки с безупречных брюк.

– Спасибо! – шагнул к нему Уртян. – Я, если честно, и не надеялся, что вы нас найдёте.

– Если честно, я что-то подобное подозревал, – в тон ему мрачно ответил Соколовский, кивнув в сторону пещеры. – К некоторым проблемы просто липнут... – он смерил взглядом Итаффина.

– Я... я должен вас поблагодарить, – начал тот.

– Должны, но пока не стоит, – сухо ответил Филипп. – Если вы думаете, что это всё, вы сильно ошибаетесь! Просто сейчас основной клубок этих дивных змеек занят первым блюдом, блюдо пока сопротивляется, но это ненадолго, а вот когда они их потребят, то те, кому не хватило угощения, но аппетит разгулялся, последуют за вами. Обоняние у них отменное, выносливость больше, чем у росомых, так что ваши проблемы ещё в самом разгаре!

– И как же быть? – Уртян обессиленно опустился на землю.

– Смотря кому... Я забираю тебя и уношу к машинам! Обоих разом я не унесу – мне же надо вас не покалечить, так что когти пускать в ход нельзя.

– Я без Итаффа не полечу! – упёрся Уртян.

– Тян, давай-ка мы по-лисьи поболтаем! – серьёзно сказал Итаффин, протягивая другу руку. – Вставай и оборачивайся! Посекретничать надо! На нашем личном наречии.

Соколовский вздёрнул бровь, с сомнением наблюдая, как Уртян неохотно берётся за протянутую руку, поднимается, а потом резко опускается, меняя облик на истинный.

Через миг он уже лежал на боку, оглушённый точным ударом в висок.

– Уносите его! Я не знаю, сколько он проваляется без сознания со своим мгновенным исцелением, так что давайте скорее!

– Интересный ход, – кивнул Соколовский. – Но можно и не торопиться.

Филипп нагнулся, коснувшись лба Уртяна, а потом выпрямился и пояснил:

– Он теперь немного поспит...

– Хорошо! – кивнул Итаффин, не отводя взгляда от густого тёмного меха. – Скажите ему, что это было моим решением, что я так хочу! Это я виноват в том, что он тут оказался...

– Сам потом скажешь, – отмахнулся Соколовский. – Я вернусь – мне же не надо, чтобы этот несчастный потом рвался в тайгу, чтобы попытаться тебя найти! Сейчас я его уношу, а ты следуешь за Крамешем, только без самостоятельности – ему лучше видно, как тебя вести. Бежишь в людском виде – во-первых, так им сложнее будет тебя сразу съесть, а во-вторых, если укусят, медленнее подействует яд.

– Понял! – Итаффин, если честно, и не рассчитывал на то, что и его будут спасать, так что внутренне возликовал – Соколовский был абсолютно не похож на человека, бросающего слова на ветер.

– Ладно, ты уже немного отдышался, больше ждать нельзя. Вперёд! – сухо приказал Сокол, опускаясь на землю.

Он взлетел, покружился, набирая скорость, а потом спикировал на спящего Уртяна, бережно подхватив его обеими лапами.

– Чего ты замерр? – поинтересовался Крамеш, сидящий на сосновой ветке над головой Итаффина. – Ты что, не слышишь? Там перрестрелка уже заканчивается... Похоже, они все патроны почти пррриконили, а в ррукопашную у них вообще никаких шансов нет, так что врремени у тебя осталось совсем мало!

Итафф рванул за снявшимся с ветки вороном, понимая, что сейчас ему надо как можно быстрее убраться подальше от этого места. Он бежал, краем уха слыша, как непрерывная кано-

нада, сменившаяся отдельными выстрелами, затихла окончательно, как выругался ворон, явно обнаружив преследователей, выбравшихся из тайных лазов и ищущих в лесу, а не затаились ли в окрестностях ещё такие же вкусные «десерты», как Крамеш прикрикнул:

– Беги изо всех сил! Они взяли след!

Итаффф нёсся со всех ног, казалось, что сердце стучит где-то у горла, но даже тогда слышал, как сзади его настигает шум – змеи двигаются тихо, но не тогда, когда очень торопятся и ломают своим весом сухие сучья и молодую лесную поросль.

Крамеш крикнул лису:

– Беги пррямо, не сворачивай! – а сам нырнул назад, захлопав крыльями перед первым крупным чёрным полозом, далеко обогнавшим остальных.

Нет, он вовсе не собирался жертвовать собой ради чужака – просто после недавнего общения с живойтами очень не любил атакующих змеюк.

– Да, похоже, лиса уже не спасти, – с некоторым даже сожалением подумал Крамеш, уворачиваясь от рывка полоза. – Но хоть какой-то лишний шанс я ему дал.

Это змеиное промедление дало Итафффу возможность пробежать ещё метров пятьдесят, а потом он услышал шум уже прямо за спиной, попытался обернуться, чтобы встретить опасность мордой, но не успел, ощутив только сильную боль в правом бедре и немыслимой мощи рывок назад.

Он хватался руками за стволы деревьев, но змей мотнул головой, прекращая эти жалкие попытки к сопротивлению.

Свист Итафффин слышал каким-то краем сознания, а потом ощутил, что кольца, которые неспешно накручивались на него, сдавливая всё тело, ослабевают, а сам он как-то приподнимается вверх.

Впрочем, это было недолго – змей, которого Сокол цапнул за голову и шею, а потом поднял над землёй, распустил кольца, попытавшись сбить непонятно откуда взявшуюся хищную птицу необычно крупных размеров, тут никогда невиданных.

Итафффин упал навзничь, увидев, как здоровенная змея отлетает в сторону, а крупная птица спускается к нему.

– Быстрее! Принимай истинный вид! – крикнул ему Сокол.

Голова кружилась, укушенное бедро распухло, нога отказывалась двигаться, но Итаффф схватился за старую ель и, перебирая по стволу руками, встал, а потом рухнул на бок, скорчившись жалким рыжим комком.

Крамеш закричал совсем рядом:

– Скорее! Тут ещё четверро!

И в следующий миг Итафффин ощутил, как его бережно подхватывают когтистые лапы, унося практически из-под носа, точнее, носов полозов, жаждущих добраться до еды.

– Небо... я и не знал, что его так много, – мысли путались, но он изо всех сил старался не потерять сознание, боясь, что больше уже ничего никогда не увидит. – Небо и облака... Почему я раньше так редко на них смотрел? Они же такие красивые!

Скорость полёта Сокола была такая, что ветер свистел в ушах, но Итаффф радовался и этому – он боялся полной тишины.

Далеко позади осталась змеиная пещера и их охотничьи уголья, Сокол намного обогнал Крамеша – недосуг было его ждать. Он краем уха прислушивался к дыханию рыжего авантюриста, который, тем не менее, точно знал, что для него дорого, и ради этого не пожалел своей жизни.

– Что ж... такой, может, и стоит некоторых усилий, – думал Сокол. – А может, и ещё кое-чего... посмотрим, глядишь, и просто противоядием обойдёмся!

Он спикировал вниз, к машинам бандитов, туда, где подпрыгивал от волнения Уртян.

– Итафффин?! – крикнул он, когда Соколовский спускался.

Рыжий комок шерсти в лапах начальства заставил его тяжело сглотнуть...

– Лови! – скомандовал Соколовский, разжимая когти над протянутыми вверх руками Уртыана.

Когда он через минуту вернул себе людской облик и поднялся с земли, Уртыан уже застыл над другом:

– Он... его укусили? – он и так чуял яд, но смолчать не получилось.

– Да, эти полозы ядовиты.

– Противоядие? Есть ли противоядие?

– Есть... правда, не от этих конкретно змей, но от близкого яда, – Соколовский достал один из пузырьков, взятых из дома. – В пасть три капли, на рану – две.

У Уртыана дрожали руки, но он справился, но потом едва не растерялся – Итаффин тяжело сглотнул остро пахнущую коричневатую жидкость, а вот две капли, попавшие на место укуса, вызвали у него судороги, да такие, что понадобилась помощь Соколовского, чтобы удержать бьющегося рыжего лиса.

– Что это? Что с ним?

– Противоядие выжигает яд... не бойся, так оно и должно быть, – невозмутимо ответил Филипп, прижимая рыжего лиса к земле. – Я потом дам тебе рецепт, чтобы ты на всякий случай умел и это варить.

Он отвлекал своего откровенно перепуганного травника, пока Итаффин не перестал биться, а потом рыжий длинно вздохнул и расслабленно откинулся на руки Уртыана.

– Подействовало, правда, болеть какое-то время будет... Ну тут уж не до жиру, быть бы живу, – пожал плечами Сокол.

– Это... это точно, – Уртыан закрыл глаза рукой, одновременно вытирая их. – Я уж думал... всё.

– Было близко, – отозвался Соколовский, подходя к одной из машин и вытаскивая из кармана ключи.

– А откуда у вас ключи? – Уртыан, когда его Сокол донёс до машин и разбудил, двумя словами объяснив происходящее, всё это время пытался открыть хоть какой-то из автомобилей. Просто чтобы не думать о том, что сейчас происходит с его другом.

– Крамеш ночью стащил у типа, который был водителем в машине, на которой везли Итаффина, – отозвался Соколовский. – Он, когда ворон, очень ушлый!

Машина пискнула, Сокол открыл заднюю дверцу, а пошарив в салоне и багажнике, хмыкнул:

– Надо же, какие предусмотрительные типы! В багажнике еда и вода на обратную дорогу, даже выпивка – видать брали, чтобы отпраздновать, – пожал плечами Филипп Иванович. – Так, а вот это нам пригодится! – сказал он, добывая спальный мешок. – Повезло – новый! Это кто-то весьма ответственно подошёл к сборам. А вот ещё один! Тян, заканчивай изображать лисью трагедию, расстели спальные мешки – Итаффу твоему сейчас будет жутко холодно!

Когда Крамеш, выложившись на полную, долетел до машин, уже вечерело, весело потрескивал костёр, а у огня сидел Соколовский, помешивая что-то в котелке.

– Крамеш, ты вовремя! – усмехнулся Филипп, обращаясь к черноволосому худощавому типу, встающему с земли и пытающемуся отдышаться после полёта.

– А этот... он живой? – уточнил Бескрайнов, устало подходя к костру.

Рыжий был ему... никем, но раз уж он столько сил потратил на спасение этого авантюриста, то счёл логичным поинтересоваться.

– Живой. Тян его греет – я дал противоядие, а оно вытягивает и яд, и силы, так что рыжему сейчас дико холодно.

Сокол кивнул на объёмистый комок ткани у костра, который зашевелился, и оттуда выглянула чернобурая ушастая голова.

– Сейчас ему уже вроде получше! Хоть зубами не клацает! – сказал Уртян, согревающий спину друга – костёр – штука хорошая, но только с одной стороны...

– Значит, скоро в себя придёт, – буднично сообщил Соколовский. – Поест и поедете.

– А вы?

– А мне недосуг на машинах разъезжать – я вообще-то на съёмках скоро должен быть!

Итаффин очнулся, словно вынырнув из немыслимого холода, сразу ощутив, что ему больно, что тепло, что где-то совсем близко находится Тянь, а ещё – пахнет едой.

– Таф! – окликнул его Уртян. – Ты как?

– Кажется, живой... – с изумлением отозвался Итафф. – А ты как?

– Да я-то что? Или ты спрашиваешь, цела ли моя голова? – насмешливо фыркнул Уртян, у которого с души камень упал. – Ты двигаться можешь?

– Правая задняя лапа болит... – отозвался Итафф.

– Тут уж ничего не поделать – терпи! – велел ему Соколовский. – Это небольшая плата за жизнь.

– Это точно, – выдохнул Итафф. – Я вам должен...

– Должен, – согласился Филипп. – Но об этом потом поговорим, когда полностью оклемаешься. Сейчас выползай из одеял и поешь.

– Да уж это я точно не пропущу, – охотно согласился Итафф. – Когда мне ещё будет готовить сам Соколовский! Ииих... – он подавил визг, неловко побеспокоив правую лапу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.